

ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

Академик М. Б. МИТИН

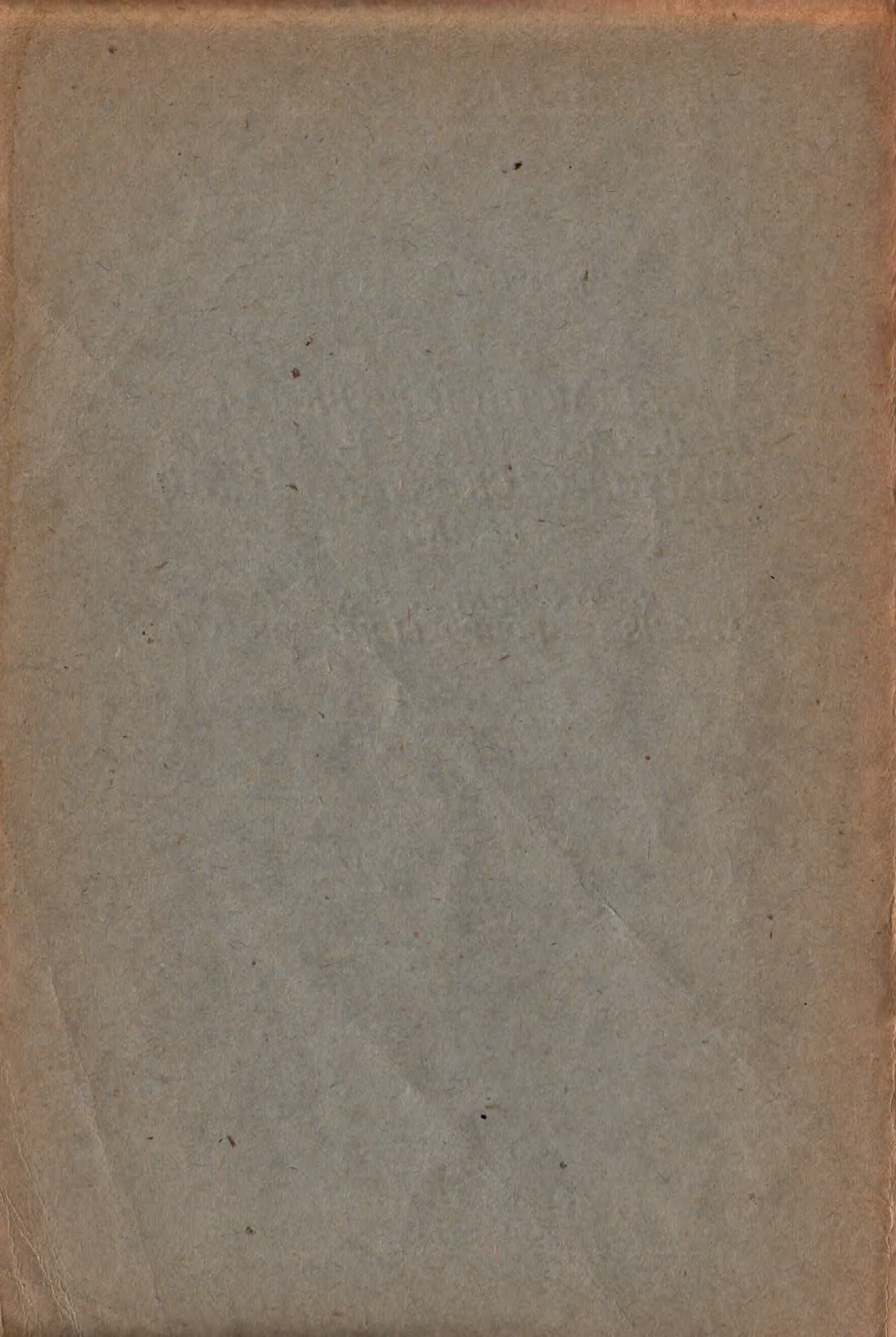
**ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД
И. В. СТАЛИНА В РАЗВИТИЕ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ТЕОРИИ**

**(О ТРУДЕ И. В. СТАЛИНА
„МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ“)**

*Лекции, прочитанные в
Высшей партийной школе
при ЦК ВКП(б)*

МОСКВА

1951



ВЫСШАЯ ПАРТИЙНАЯ ШКОЛА при ЦК ВКП(б)

*Кафедра диалектического и
исторического материализма*

Академик М. Б. МИТИН

*ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД
И. В. СТАЛИНА В РАЗВИТИЕ
МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ
ТЕОРИИ*

*(О ТРУДЕ И. В. СТАЛИНА
„МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ“)*

*Лекции, прочитанные в
Высшей партийной школе
при ЦК ВКП(б)*

МОСКВА

1951



Оцифровано издательской группой
МЛРД «РАБОЧИЙ ПУТЬ»

Редактор **В. Н. Колбановский**

А08125. Подп. к печ. 5/Х 1951 г. Зак. 1114. Объем 3¼ п. л. Тираж 50 000

Типография Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б).
Москва, ул. Фр. Энгельса, 46.

ВЫДАЮЩИЙСЯ ВКЛАД И. В. СТАЛИНА В РАЗВИТИЕ МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ

(О труде И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания»)

Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» представляет собой новый вклад в марксистско-ленинскую науку, в развитие диалектического и исторического материализма и знаменует собой начало подлинно марксистского языкознания.

Чем больше времени проходит со дня опубликования этой работы, тем все больше вырисовывается ее огромное значение. Она входит в драгоценный фонд марксистско-ленинской науки как одна из ее золотых страниц.

Новый выдающийся сталинский труд — большое событие не только в идейно-политической жизни большевистской партии и советского народа, но и всех коммунистических и рабочих партий мира.

Нет ни одной страны, где не был бы опубликован труд И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», где этому труду не были бы посвящены статьи, брошюры, книги, выступления, научные заседания. В чем же сила этого произведения И. В. Сталина, вызвавшего такие отклики, имеющего такое огромное международное влияние?

Его великое общественно-политическое и научное значение, сила его могучего идейного воздействия состоят в том, что оно гениально озарило светом марксистско-ленинской теории вопросы, весьма значительные и глубоко интересующие всех передовых представителей любой науки, любого народа, — вопросы общенародного языка. Сила его идейного воздействия в том, что оно явилось коренным переворотом в науке о языке. Сила его влияния тем более возрастает, что это произведение И. В. Сталина означает новый шаг вперед в развитии всей марксистско-ленинской науки в целом. В этом произведении вновь со всей силой были подчеркнуты боевой, творческий характер марксистской теории и ее международное значение.

Особенно велико значение этого труда для языкознания, так как он заложил основы для дальнейшей разработки всех вопросов науки о языке с точки зрения марксизма-ленинизма. Гениальная сталинская работа «Марксизм и вопросы языкознания» — поворотный пункт в языкознании. Она охватывает все важнейшие проблемы науки о языке, начиная с общего вопроса об определении сущности языка, его структуры и составных элементов, характеристики

внутренних законов развития языка и изменений, какие в нем происходят, и кончая целым рядом отдельных специальных вопросов языкознания. Труд И. В. Сталина вносит полной ясностью и дает законченное решение по вопросу об общенародном характере языка, о соотношении между национальным, общенародным языком и территориальными диалектами и классовыми жаргонами. В произведении И. В. Сталина подвергнуты критике неправильные, ложные теории о языке как надстройке, о «классовости» языка и т. д.

Работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» открывает перед лингвистами широчайшие возможности для дальнейшей углубленной разработки науки о языке во всех ее деталях.

Весьма плодотворно влияние этого труда И. В. Сталина на все отрасли общественных наук как в нашей стране, так и в европейских народно-демократических республиках, в Китайской народной республике и в ряде других стран. Под углом зрения сталинских положений и выводов покончено со старыми вульгаризаторскими установками и ошибочными догмами, которые господствовали долгое время в советском языкознании, и началась богатая и плодотворная полоса дальнейшего развития этой весьма важной отрасли знания. Работа И. В. Сталина по вопросам языкознания оказала большое влияние на состояние языковедческой науки в странах народной демократии. Непосредственно под влиянием труда И. В. Сталина в народно-демократических государствах начались критика и разоблачение всякого рода идеалистических учений, а также марровских влияний, имевших место в языковедческой науке в Польше, Румынии, Болгарии, Чехословакии и т. д. Сейчас также развернулась большая творческая работа по рассмотрению родственных исторических связей славянских языков между собой, исследовательская работа по выяснению грамматического строя румынского, венгерского языков, по раскрытию тех плодотворных связей, которые имели место, например, между румынским народом и славянскими народами на протяжении многих веков.

Положения о языке, выдвинутые И. В. Сталиным в настоящее время, явились продолжением и дальнейшим развитием взглядов по вопросам языка, которые товарищ Сталин разрабатывал ранее, поскольку он этими вопросами занимается на протяжении всей своей деятельности.

Глубину постановки и разрешения основных вопросов марксизма в области языкознания в новом труде И. В. Сталина можно понять в том случае, если мы учтем, что он возник на базе предшествующих творений товарища Сталина, далеко продвинувших вперед марксистско-ленинскую теорию, научно обобщивших мировой опыт коммунизма.

В произведении «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин изложил основные проблемы марксистского диалектического метода, философского материализма и материалистического понимания истории, поднял на новую, высшую ступень мар-

ксистско-ленинскую философию. В этом гениальном труде И. В. Сталин разработал вопросы об условиях материальной жизни общества, об экономическом строе общества, о роли общественного сознания, роли передовых идей и политических учреждений в развитии общества вообще и особенно в эпоху социальных революций.

Новые положения товарища Сталина о языке, о базисе и надстройке, о переходе старого качественного состояния в новое без «взрывов» в обществе, не разделенном на враждебные классы, о творческом марксизме, о необходимости решительной борьбы против чужденчества и талмудизма представляют собой дальнейшее обогащение и развитие идей, изложенных им в работе «О диалектическом и историческом материализме». Ныне этот классический теоретический труд дополнен новыми выдающимися обобщениями по марксистско-ленинской философии.

Нельзя глубоко понять и осмыслить гениальные положения товарища Сталина по вопросам языкознания, нельзя понять тот новый шаг вперед в развитии марксизма-ленинизма, который они представляют, если не рассматривать их в связи с его предшествующими положениями, идеями и высказываниями по национальному вопросу и специально по вопросу о языке. Только такой анализ даст нам возможность установить тесную логическую связь нового произведения товарища Сталина с его предшествующими работами и вместе с тем даст возможность рассмотреть то новое, что дано теперь, понять тот новый вклад в развитие марксизма-ленинизма, который содержится в этом произведении И. В. Сталина.

Вопросу о языке товарищ Сталин всегда придавал большое значение и уделял ему серьезное внимание. Еще в своей ранней работе, относящейся к 1904 году, — «Как понимает социал-демократия национальный вопрос?» — при комментировании пунктов программы РСДРП по национальному вопросу товарищ Сталин отмечал, что «язык — орудие развития и борьбы», что интересы российского пролетариата требуют, чтобы пролетарии разных национальностей имели полное право пользоваться своим родным языком. В своем основоположном труде «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.) товарищ Сталин изложил большевистскую теорию и программу по национальному вопросу и резко противопоставил русскую марксистскую теорию нации идеалистической, ревизионистской теории нации австромарксистов Бауэра и Реннера. Большое внимание в этой работе было уделено вопросам языка.

Товарищем Сталиным был разработан тогда очень важный вопрос об общности языка как об одном из необходимых признаков нации. Среди четырех основных и обязательных признаков нации, т. е. общности языка, общности территории, общности экономической жизни, общности психического склада, проявляющегося в специфических особенностях национальной культуры, товарищ Сталин первым называет общность языка. Он указывает, что нет и не мо-

жет быть национальной общности без общего языка для всех людей данной нации.

Если, например, для одного государства общий язык необязателен, указывал товарищ Сталин, то для каждой нации общий язык является совершенно обязательным. Таким образом, одним из важнейших положений, характеризующих нацию, является наличие общности языка для всех людей данной нации. Уже из одного этого положения видно, какое значительное место почти сорок лет тому назад уделял товарищ Сталин вопросу о едином национальном языке.

Особенно большое внимание товарищ Сталин уделяет вопросам языка после победы Великой Октябрьской социалистической революции, в период строительства советского многонационального социалистического государства.

Октябрьская революция установила полное равноправие наций и полное равноправие национальных языков в нашей стране. Большевистской партией, Лениным и Сталиным родной язык, на котором говорят широкие народные массы разных национальностей, всегда рассматривался как могучее орудие культурного роста, экономического развития и политического подъема народных масс. Поэтому большевистская партия, исходя в своей практической деятельности из глубокого уважения к правам, культуре и языкам всех народов, создает самые благоприятные условия для развития культуры на этих языках, для обогащения и развития самих языков.

Товарищ Сталин писал: «Миллионные массы народа могут преуспевать в деле культурного, политического и хозяйственного развития только на родном, на национальном языке»¹. «...Партия сочла необходимым, — указывает товарищ Сталин, — помочь возрожденным нациям нашей страны — встать на ноги во весь рост, оживить и развить свою национальную культуру, развернуть школы, театры и другие культурные учреждения на родном языке...»².

В результате Великой Октябрьской социалистической революции, в результате осуществления ленинско-сталинской национальной политики в СССР необычайно быстро поднялись, расправили свои плечи ранее угнетенные национальности, бурными темпами развили свою национальную по форме и социалистическую по содержанию культуру. Широко развернулось языковое строительство, создание письменности и алфавитов для ранее бесписьменных народов, проделана громадная работа по выработке литературного языка, составлению грамматик, словарей для многих национальностей. Многие народы нашей необъятной страны только после Октябрьской революции впервые получили свою письменность (казахи, киргизы, ненцы, эвенки и др.), за время существования Советской власти было разработано 67 национальных алфавитов (аварский, абазинский, тувинский, ненецкий, чукотский и др.). Принципиальное зна-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 355.

² Там же, стр. 353.

чение этих явлений чрезвычайно велико: они демонстрируют те благотворные и живительные результаты, какие несет социализм широким народным массам.

Товарищ Сталин учит, что основной закономерностью развития национальностей в период диктатуры пролетариата является их революционное преобразование в социалистические нации. Однако это не означает необходимости революционного преобразования их языков. Наоборот, именно при условии всестороннего развития существующих национальных языков разных национальностей, вступивших на путь строительства социализма, и происходит социалистическое преобразование наций.

Товарищ Сталин везде в своих работах и особенно в работе «Национальный вопрос и ленинизм», относящейся к 1929 году, подчеркивал большую устойчивость национальных языков. «...Нации и национальные языки, — писал товарищ Сталин, — отличаются чрезвычайной устойчивостью и колоссальной силой сопротивления политике ассимиляции. Турецкие ассимиляторы, — наиболее жестокие из всех ассимиляторов, — сотни лет терзали и калечили балканские нации, но они не только не добились их уничтожения, а оказались вынужденными капитулировать. Царско-русские руссификаторы и немецко-пруссские германизаторы, мало чем уступавшие в жестокости турецким ассимиляторам, более ста лет кромсали и терзали польскую нацию, так же как персидские и турецкие ассимиляторы сотни лет кромсали, терзали и истребляли армянскую и грузинскую нации, но они не только не добились уничтожения этих наций, а — наоборот — оказались вынужденными также капитулировать»¹. Товарищ Сталин подчеркивает чрезвычайную устойчивость и огромную силу сопротивления национального языка политике ассимиляции, проводимой обычно господствующими классами по отношению к угнетенным нациям.

И. В. Сталин выдвинул и разработал важнейшее положение о характере развития национальностей и развития национальной культуры в условиях советского строя. Он сформулировал известное положение о развитии национальной по форме и социалистической по своему содержанию культуры народов СССР. Период диктатуры пролетариата и строительства социализма в СССР, говорил И. В. Сталин, «есть период расцвета национальных культур, социалистических по содержанию и национальных по форме...». Критикуя уклонистов в области национального вопроса, товарищ Сталин, далее, указывал, что они, очевидно, «не понимают, что развитие национальных культур должно развернуться с новой силой с введением и укоренением общеобязательного первоначального образования на родном языке»².

Из всего этого ясно, что проблемам языка товарищ Сталин уделяет большое внимание в своих произведениях.

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 11, стр. 347—348.

² И. В. Сталин. Соч., т. 12, стр. 368.

Ошибочность и вредность марровских установок в вопросе о языке, а именно, трактовка языка как надстройки, учение Марра о «классовости» языка, фактически были направлены, как это теперь совершенно ясно видно, против большевистской теории нации, против сталинских принципов определения нации. Марровские установки расходились, таким образом, с основами большевистского подхода к национальному вопросу. Отрицая общенациональный, общепланетарный характер языка, марровцы фактически снимали вопрос о необходимости изучения своеобразия и национальных особенностей разных языков, о необходимости изучения языкового родства родственными между собой наций. Учение Марра, таким образом, представляло собой по сути дела своеобразную космополитическую концепцию о языкознании. Рано или поздно проигрывание между большевистской теорией нации и марровским языкознанием должно было со всей силой обнаружиться. И если именно теперь товарищ Сталин с такой глубиной и последовательностью разоблачил вредные установки Марра в области языковедения, то это прямо вытекает из всего вышесказанного, а также, бесспорно, связано с задачами строительства коммунизма в СССР. Именно теперь, когда раскрылись новые горизонты и захватывающие перспективы перед всеми народами Советского Союза в связи с успехами строительства коммунизма, именно теперь, когда развитие культуры на национальных языках в советских республиках достигло высокого уровня, потребовалась генеральная чистка такой отрасли знания, как языкознание, ибо отставание этой науки явно грозило дальнейшим успехам советских республик в области культуры.

Великая историческая заслуга товарища Сталина состоит в том, что он вывел языкознание на верную дорогу. Ведь, в самом деле, нельзя же строить научную дисциплину на ложных основаниях. Чем больше жизнь требовала настоящего пересмотра основных установок марровского языкознания, тем больше ученики Марра, особенно стоявшие во главе языковедческих учреждений, не давали никакой возможности проявиться свободной, живой и плодотворной критике. Дискуссия по вопросам языкознания, завершившаяся выступлениями И. В. Сталина, открыла перед этой наукой широкие и многообещающие перспективы.

Все это показатель той идейной высоты, на которую генералом Сталиным поднята наука в СССР; показатель того, какие благоприятные условия создает социализм для подлинно научного творчества, какие необозримые просторы раскрывает перед наукой общественный строй, в котором нет места угнетению людей, в котором наука не является служанкой богачей и кровососов народа, в котором она может полностью и целиком отдаться делу истины, делу борьбы за интересы народных масс.

Как бы специальным подтверждением того контраста, который существует между развитием науки в СССР и положением науки в капиталистических странах, могут служить «труды» по языкознанию, вышедшие за последние годы в США. Так, например,

в 1949 году в Нью-Йорке вышла книга группы американских философов-семантиков под руководством Г. Лесвелла, Н. Лейтеса и других под названием «Политический язык». Авторы этого, с позволения сказать, «труда» всесторонне обсасывают «идейку» о том, что язык вообще и в особенности «язык власти» обладает «магической силой». Эти «философы» ставят своей задачей, как они пишут, выработать «общую теорию языка как инструмента власти».

До какой же степени варварского отупения и вырождения надо дойти, чтобы с серьезным видом, в наукообразной форме, в толстом томе «разрабатывать» вопрос о «магической силе» языка как «инструмента власти». Как тут не вспомнить дикие и заумные рассуждения гитлеров, геббельсов и розенбергов о мифах, о роли интуиции и магии в истории, о значении «сильной власти» и т. п. Чем кончились упражнения гитлеровских людоедов, достаточно хорошо известно. Не нужно быть пророком, чтобы предсказать, что такой же бесславный конец ждет и этих современных «ученых» лакеев американских бизнесменов.

Как уже говорилось выше, произведение И. В. Сталина — программа деятельности для языкознания на большой исторический период. Однако значение этого произведения выходит далеко за пределы языкознания. Оно представляет собой крупнейший вклад в развитие всей общественной науки, особенно велико его значение для дальнейшего развития диалектического и исторического материализма.

Следует отметить также условия и обстоятельства, вызвавшие необходимость появления данного труда И. В. Сталина. При этом надо учесть следующее:

Во-первых, выявившееся резкое отставание языкознания от потребностей социалистического развития, от задач, стоящих перед этой наукой в период строительства коммунизма, обнаружившийся застой в ней в то время, когда к этой области знания предъявляются особенно высокие требования. Ведь именно теперь, когда идет строительство коммунизма в нашей стране, когда расцветают творческие силы всех национальностей, когда происходит в СССР бурный расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, отставание языкознания как науки явилось тормозом, задерживавшим движение вперед и не дававшим возможности правильно обобщать огромный опыт языкового строительства в нашей стране.

Во-вторых, господство в советском языкознании неверной, ошибочной теории Марра, вульгаризаторски извращавшей марксизм, фактически приводило к отрицанию необходимости исследования национальной самобытности языков, их специфически национального характера, в том числе истории и национальной самобытности великого русского языка; господство теории, отличавшейся также недооценкой роли грамматики в языке и мешавшей поэтому организации как в школах, так и в высших учебных заведениях правильного изучения родного языка.

И, наконец, в-третьих, нетерпимый режим, сложившийся в языковедческих учреждениях, режим, не обеспечивавший нормальных условий для проявления молодых научных сил, режим командования и забвения критики и самокритики, применения всякого рода организационных мероприятий по отношению даже к тем, кто только лишь намеревался критиковать «новое учение о языке» Марра и его учеников. Товарищ Сталин назвал этот режим «аракчеевским».

Положение, создавшееся в этой области знания, потребовало серьезного вмешательства. По инициативе Центрального Комитета ВКП(б) и лично товарища Сталина была объявлена широкая и свободная дискуссия по вопросам языкознания на страницах газеты «Правда». Во время дискуссии все научные работники, работающие в области языкознания, получили полную возможность свободно высказаться, поставить все вопросы, которые их интересовали, оценить положение в языкознании, наметить пути выхода из застойного состояния, в котором оказалась эта наука. В ходе дискуссии и выступил И. В. Сталин со своим гениальным трудом по языкознанию, ставшим поворотным пунктом в развитии данной области знания.

* * *

Материалистическое понимание истории явилось одним из великих открытий Карла Маркса и Фридриха Энгельса, величайшим переворотом в общественной науке, можно сказать, возникновением, в подлинном смысле этого слова, общественной науки.

До Маркса историю и вообще события общественной жизни рассматривали идеалистически, т. е. в основу всего клали идейные мотивы деятельности людей, не выясняя, чем же в свою очередь вызываются эти мотивы, что лежит в их основе. Историю, далее, рассматривали лишь как деятельность «великих людей», полководцев, царей; действительные же творцы истории — народы, народные массы, трудящиеся — в расчет не принимались. В таком изображении история, конечно, выглядела извращенно, по сути дела как некое хаотическое нагромождение общественно-исторических явлений. Ни о каком действительном понимании законов исторической жизни, законов общественных явлений не могло быть и речи. Было, конечно, накоплено огромное количество фактов, эти факты были описаны, были высказаны некоторые отдельные, подчас гениальные догадки о действительном смысле тех или иных исторических событий, однако подлинной науки об общественной жизни фактически до Маркса не было.

Отдельные замечательные догадки, скажем, французских историков эпохи реставрации — Гизо, Минье, Огюстена Тьери — по поводу классового характера общественных событий или же очень близкий подход к материалистическому истолкованию истории, выработанный великими русскими революционерами-демократами Герценом, Чернышевским, Добролюбовым, не могли все же изменить

общей картины. История оставалась фактически необъясненной, законы исторической жизни — нераскрытыми.

Распространение материализма на события общественной жизни человечества впервые собственно подняло общественное сознание до степени науки. Маркс и Энгельс, создав теорию исторического материализма, совершили великий подвиг в науке, вооружили трудящихся научным методом для понимания законов общественных явлений.

Характеризуя значение материалистического понимания истории, И. В. Сталин указал, что «наука об истории общества, несмотря на всю сложность явлений общественной жизни, может стать такой же точной наукой, как, скажем, биология, способной использовать законы развития общества для практического применения»¹. Это замечательное определение истории как науки точной, как науки, которая дает возможность использовать знание законов истории для практического действия, показывает, на какую высоту поднимает марксизм общественную науку.

Исторический материализм, как и всякая другая наука, имеет ряд основных понятий, основных категорий. К числу таких важнейших понятий исторического материализма и относятся категории базиса и надстройки, введенные впервые в общественную науку Марксом в его знаменитом предисловии к «Критике политической экономии» в 1859 году. В этом предисловии, в котором была кратко изложена сущность материалистического понимания истории, Маркс следующими словами характеризует базис и надстройку:

«В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания»².

Из этого определения видно, что базисом общества, по Марксу, является совокупность производственных отношений, или же, иначе, экономическая структура общества. На этом базисе, по Марксу, вырастают юридическая, политическая надстройка и соответствующие базису формы общественного сознания. Эти основные положения о базисе и надстройке часто повторяются и развиваются в других произведениях Маркса и Энгельса. Так, например, Энгельс писал: «Экономический строй общества каждой данной эпохи представляет собою ту реальную почву, свойствами которой объясняется в последнем счете вся надстройка, образуемая совокупностью правовых и политических учреждений, равно как религиозных, фило-

¹ История ВКП(б) Краткий курс, стр. 109.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, т. I, стр. 322. Изд. 1948.

софских и прочих воззрений каждого данного исторического периода»¹.

Мы видим из этого отрывка, что реальным базисом общества является экономический строй его и что надстройкой общества, по мнению Энгельса, является совокупность правовых и политических учреждений, а также религиозные, философские и прочие воззрения каждого данного исторического периода.

Приведем для полноты картины еще одно высказывание Энгельса по вопросу о базисе и надстройке. Мы имеем в виду его письмо к Блоху от 1890 года. В этом письме Энгельс писал: «Экономическое положение, это — базис, но на ход исторической борьбы оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно форму ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — конституции, установленные победившим классом после одержанной победы, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм»².

В этих положениях Энгельса дана подробная характеристика того, что им понимается под категорией «надстройка». В надстройку, как мы видим, входят политические формы классовой борьбы, правовые формы, политические, философские, религиозные воззрения и т. п.

Эти положения Маркса и Энгельса о базисе и надстройке являлись общепринятыми среди всех последователей и учеников Маркса и Энгельса.

Социал-демократические фальсификаторы марксизма, особенно те из них, которые занимались извращением материалистического понимания истории, внесли много путаницы и извращений в эти понятия исторического материализма. Каутский, Отто Бауэр, Макс Адлер, Богданов и другие немало потрудились над тем, чтобы исказить материалистическое понимание истории, извратить также учение о базисе и надстройке.

Ленин и Сталин не только отстаивали чистоту марксизма в этих вопросах, но и дальше развили богатейшие идеи Маркса и Энгельса о базисе и надстройке.

Вопросу о базисе и надстройке В. И. Ленин уделил в своих произведениях большое внимание. Так, еще в 1894 году в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», разбивая вдребезги никчемные и антинаучные, субъективистские измышления народника Михайловского об истории общества, его клеветнические выступления против марксизма, В. И. Ленин с предельной ясностью развил основные идеи материалистического понимания истории. Анализируя содержание известного предисловия Маркса к «К критике политической экономии», Ленин отмечал,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIV, стр. 26.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 245.

что идея материализма в социологии была поистине гениальной идеей. Не умея спуститься до простейших отношений в обществе, какими являются производственные отношения, указывал В. И. Ленин, социологи-идеалисты, рассматривая политические, юридические и идеологические формы, приходили к ложному выводу о том, что они возникают из сознания людей, и на этом останавливались. Никаких дальнейших вопросов о причинах возникновения всех этих форм они не ставили и превращали сознание человека в основу истории.

Диалектический материализм произвел коренной переворот в понимании истории: происхождение общественных идей он выводит из материальных условий жизни людей; анализируя состав этих материальных условий, он доходит до действительного раскрытия коренных причин общественных событий и явлений.

«До сих пор, — писал В. И. Ленин, — социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив «производственные отношения», как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты»¹.

В. И. Ленин, далее, отмечал, что анализ производственных отношений общества, установление повторяемости и закономерности определенных производственных отношений в разных странах дал марксизму возможность выделить одно из важнейших понятий материалистического понимания истории, понятие общественной формации. Мы видим, таким образом, какое большое значение В. И. Ленин придавал понятию производственных отношений общества, экономической структуры общества, или, иначе, базиса, которое установил Маркс в предисловии к «Критике политической экономии».

Далее, В. И. Ленин под этим углом зрения переходит к характеристике «Капитала» Маркса. Он указывает, что «объясняя строение и развитие данной общественной формации исключительно производственными отношениями — он (К. Маркс. — М. М.) тем не менее везде и постоянно прослеживал соответствующие этим производственным отношениям надстройки, облекал скелет плотью и кровью»². Именно поэтому «Капитал» имел такой выдающийся успех, именно поэтому он вошел в историю как одно из самых величественных произведений человеческого гения, помогающих освобождению трудящихся от социального и политического гнета.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 122.

² Там же, стр. 124.

Маркс показал в «Капитале» «всю капиталистическую общественную формацию как живую — с ее бытовыми сторонами, с фактическим социальным проявлением присущего производственным отношениям антагонизма классов, с буржуазной политической надстройкой, охраняющей господство класса капиталистов, с буржуазными идеями свободы, равенства и т. п., с буржуазными семейными отношениями»¹. С этих пор материалистическое понимание истории стало, по словам Ленина, синонимом общественной науки. Из одних только этих высказываний Ленина видно, какое место занимает в его произведениях вопрос о базисе и надстройке.

Будучи наилучшим знатоком произведений Маркса, Энгельса, Ленина, опираясь на все их теоретическое богатство, творчески обобщая опыт новейшей истории и строительства социализма и коммунизма в СССР, И. В. Сталин обогатил теорию исторического материализма новыми великими научными ценностями.

В своей работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин дал исчерпывающую характеристику следующих основных понятий исторического материализма: условий материальной жизни общества и их состава, главной силы в системе условий материальной жизни общества — способа производства материальных благ, понятий производительных сил и производственных отношений, трех особенностей производства. Особо подробно И. В. Сталин разработал понятия общественного бытия и общественного сознания, а также вопрос о роли идей в общественной жизни. Уточнение всех этих категорий исторического материализма, очищение их от ревизионистского шлама и извращений, которым они подвергались у предателей марксизма, а также освобождение их от путаницы, имевшей довольно широкое распространение среди кадров пропагандистов и преподавателей, рассмотрение этих основных понятий исторического материализма в свете опыта большевистской партии — все это представляло собой огромный вклад в развитие теории исторического материализма. В труде «Марксизм и вопросы языкознания» товарищ Сталин дальше развивает теорию исторического материализма, разработывает вопросы о революции, о своеобразии закономерностей развития социалистического общества, о путях развития наций и национальных языков при коммунизме, о языке как общественном явлении и законах его развития. В этом труде товарищ Сталин всесторонне разработал также категорию базиса и надстройки, их диалектическое взаимоотношение, их роль в общественной жизни.

Один из важнейших вопросов, по которому И. В. Сталиным в работе по языкознанию дано новое и исчерпывающее решение, — это вопрос о соотношении языка и надстройки.

Как известно, в свое время академик Марр, не разобравшись в марксизме и вульгаризируя его, отстаивал положение о том, что язык есть надстройка над общественным базисом.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 1, стр. 124.

По сути дела это было у него не чем иным, как чисто внешним приложением понятий исторического материализма, а именно базиса и надстройки, к вопросам языка, без действительного разбора общественного смысла, значения и роли языка в обществе. Это, однако, не помешало тому, что Марр был объявлен своими поклонниками «лучшим проводником марксизма в языкознании».

Положение Марра о том, что язык есть надстройка над базисом, было объявлено чуть ли не величайшим его открытием и легло в основу всех работ о Марре академика И. Мещанинова и довольно многочисленной группы других учеников Марра.

Академик Н. Марр писал: «Язык вообще.. есть надстроечная категория на базе производства и производственных отношений». В другом месте он заявлял: «Язык такая же надстроечная общественная ценность, как искусство и вообще искусство». Марр здесь сравнивает и устанавливает полное сходство между языком и действительной надстройкой над общественным базисом, какой являются художественные и литературные взгляды.

Меньшевиствующие идеалисты, вроде А. Деборина, в свое время не только приняли тезис Марра о языке как надстройке, но всячески развивали его и пропагандировали.

Подхватив положение Марра о языке как надстройке, академик Деборин писал: «Н. Я. Марр, в полном согласии с марксизмом, рассматривает язык как надстроечную категорию, как продукт и орудие общественности, имеющий свои корни в производстве». Насколько общепризнанной среди научных работников-языковедов была эта «теория», видно из того, что даже профессор А. Чикобава, бесспорной заслугой которого явился его резкий критический подход к ряду вопросов марровского языкознания, также стоял на точке зрения так называемой «надстроечной» теории. Профессор Чикобава писал: «Бесспорная заслуга академика Н. Я. Марра перед советской лингвистикой — в постановке проблемы о надстроечном характере языка».

Взгляды Марра были общепринятыми почти у всех наших языковедов. Отсюда следует, что природа, сущность языка, его общественная функция в действительности не были правильно поняты ими. Теория, изображавшая язык как надстройку, явилась одним из основных источников путаницы в литературе по вопросам языкознания. Товарищ Сталин устранил эту путаницу, точно определив общественную природу, функции, законы развития языка, и доказал, что язык нельзя относить к надстройке.

Прежде всего обращает внимание характеристика базиса и надстройки, их общественной роли, их взаимоотношений, данная в работе товарища Сталина.

В работе «О диалектическом и историческом материализме» товарищ Сталин выяснил и уточнил понятие «условия материальной жизни общества». Он показал, что они определяют в конечном счете физиономию общества, его идеи, взгляды, политические учреждения. Он показал также, что главной силой в системе условий

материальной жизни общества является способ производства материальных благ. Развивая дальше теорию исторического материализма, товарищ Сталин разработал в своем труде по языкознанию во всех деталях вопрос о базисе и надстройке в обществе, вопрос, который в свое время был сформулирован Марксом и получил дальнейшее развитие в трудах В. И. Ленина.

Исходя из положений Маркса и Ленина о базисе и надстройке и развивая их дальше, товарищ Сталин дает классическое определение базиса и надстройки.

«Базис, — пишет И. В. Сталин, — есть экономический строй общества на данном этапе его развития. Надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»¹.

Таким образом, базисом является экономический строй общества, т. е. совокупность производственных отношений, в которых выражается отношение людей к средствам производства, отношения собственности, господствующие в данном обществе. Само собой разумеется, что производственные отношения нельзя отрывать от материальных производительных сил общества, ибо способ производства есть единство производительных сил общества и производственных отношений. Понятие базиса охватывает совокупность производственных отношений. Товарищ Сталин подчеркивает, далее, принцип историзма в определении базиса и надстройки. Базис, говорит он, есть «экономический строй на данном этапе его развития». Это значит, что нет единого базиса, как и единой надстройки, для всей истории общества. История общества есть история разных общественно-экономических формаций, сменяющих друг друга, следовательно, это есть история разных базисов и разных соответствующих им надстроек.

В работе товарища Сталина по языкознанию с особой силой подчеркнута марксистское положение об исторически преходящем характере базисов.

Непременным историческим законом является ликвидация старого базиса и обязательная замена его базисом новым. Это органически связано с развитием производительных сил и производственных отношений. Товарищ Сталин учит, что «производственные отношения не могут слишком долго отставать от роста производительных сил и находиться с ним в противоречии, так как производительные силы могут развиваться в полной мере лишь в том случае, если производственные отношения соответствуют характеру, состоянию производительных сил и дают простор развитию производительных сил»².

Смена базисов, замена старого базиса новым, совершается обычно путем революционного свержения старых производственных от-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 5. Госполитиздат. 1950.

² История ВКП(б). Краткий курс, стр. 117.

ношений и утверждения новых. В революционной классовой борьбе пролетариат свергает и уничтожает эксплуататорские классы, являющиеся носителями старых производственных отношений. Но ликвидация старого базиса отнюдь не означает разрушения или уничтожения всего производства вообще, речь идет о смене старого способа производства иным, новым способом производства. Так, ликвидация капиталистических производственных отношений означает не уничтожение производительных сил общества, а, наоборот, раскрепощение и освобождение производительных сил, перед которыми раскрываются неограниченные возможности для их развития.

Лучшей иллюстрацией этого положения является создание социалистического базиса в СССР, в корне отличного от базиса капиталистического, создание новых, социалистических производственных отношений, полностью соответствующих характеру производительных сил.

Каждый базис, указывает товарищ Сталин, имеет свою надстройку. Если изменяется и ликвидируется базис, то вслед за ним изменяется и ликвидируется его надстройка. Если рождается новый базис, то опять-таки вслед за ним рождается, развивается соответствующая ему надстройка. Так же, как и базис, надстройка является исторически преходящей. Она живет в ту же эпоху, что и данный экономический базис, и с исчезновением старого базиса также уничтожается.

В истории человечества базис, т. е. экономический строй общества, неоднократно менялся и в связи с этим менялась также и надстройка. Как говорилось выше, надстройка порождается базисом. Каков базис, такова и надстройка. Однако неправильно было бы думать, что надстройка играет в общественной жизни только пассивную роль. Товарищ Сталин отмечает величайшую активную силу надстройки. Он пишет: «Надстройка порождается базисом, но это вовсе не значит, что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна, безразлично относится к судьбе своего базиса, к судьбе классов, к характеру строя. Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой, активно содействует своему базису оформиться и укрепиться, принимает все меры к тому, чтобы помочь новому строю dokonать и ликвидировать старый базис и старые классы»¹.

Надстройка, как мы видим, играет служебную роль в отношении базиса, и вместе с тем она крайне активна. Она вырастает на определенном базисе, и вместе с тем она для того и существует, чтобы активно оформлять этот базис, укреплять его, всемерно способствовать его дальнейшему развитию.

Буржуазная идеология, буржуазные философские, моральные, эстетические, политические и правовые идеи и соответствующие им учреждения буржуазного общества имеют своей задачей укреплять, сохранять буржуазный экономический строй общества. Социалисти-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7

ческая надстройка, выросшая в СССР на экономическом фундаменте социализма, имеет своей задачей укреплять социалистическую экономику, всемерно помогать ей идти вперед и развиваться. Известно, что социалистическая надстройка в СССР является величайшей активной силой в социалистическом обществе.

Вульгарные материалисты отрицали активную роль надстройки. Меньшевики и русские «экономисты» проповедовали «теорию стихийности», низводя борьбу рабочего класса только к требованиям экономического характера и отрицая тем самым необходимость революционной борьбы пролетариата за завоевание власти.

Ренегаты социализма — каутскианцы, — изобретя теорию «производительных сил», тщетно пытались доказать, что социализм может наступить автоматически, в результате мирного развития капиталистического производства и «мирного встарания капитализма в социализм».

Величайшая заслуга В. И. Ленина и И. В. Сталина состоит в том, что, разоблачив и разгромив эти враждебные делу рабочего класса оппортунистические теории, они показали все великое значение революционной теории, ее мобилизующую, организующую и преобразующую силу. Неодолимая сила марксизма-ленинизма как единственно научной теории состоит в том, что она дает рабочему классу ясное понимание путей революционной переделки общества.

Товарищ Сталин учит, что новые, передовые, революционные идеи, овладевая сознанием трудящихся масс, «организуют и мобилизуют массы, массы сплываются в новую политическую армию, создают новую революционную власть и используют ее для того, чтобы упразднить силой старые порядки в области производственных отношений и утвердить новые порядки. Стихийный процесс развития уступает место сознательной деятельности людей, мирное развитие — насильственному перевороту, эволюция — революции»¹.

И. В. Сталин указывает, что «надстройка для того и создается базисом, чтобы она служила ему, чтобы она активно помогала ему оформиться и укрепиться, чтобы она активно боролась за ликвидацию старого, отживающего свой век базиса с его старой надстройкой. Стоит только отказаться надстройке от этой ее служебной роли, стоит только перейти надстройке от позиции активной защиты своего базиса на позицию безразличного отношения к нему, на позицию одинакового отношения к классам, чтобы она потеряла свое качество и перестала быть надстройкой»².

Это марксистско-ленинское положение наносит сокрушающий удар по всевозможным «теориям» и «учениям» о надклассовости буржуазного государства, права, морали; оно до конца разоблачает ложные реакционные рассуждения буржуазных социологов и правых социалистов о «внеклассовости» элементов надстройки капита-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 125.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

листического общества. В руках империалистической буржуазии все элементы, все организации, составляющие капиталистическую надстройку, — буржуазная философия, мораль, право, религия, буржуазный государственный аппарат, всевозможные буржуазные и мелкобуржуазные партии, — все это является орудием для политического, социального и духовного закабаления народных масс, все это находится на вооружении империализма, служит его алчным, агрессивным замыслам.

Положения И. В. Сталина о базисе и надстройке, его указания о том, что надстройка, будучи порождена своим базисом, обслуживает его, помогает ему оформиться и укрепиться, что надстройка не может быть нейтральной к базису и классам, его породившим, что она есть продукт каждой данной эпохи, — являются гениальными обобщениями истории общества, особенно опыта Великой Октябрьской социалистической революции, открывшей новую эру в истории человечества, являются дальнейшим развитием исторического материализма.

В СССР уничтожен капиталистический базис, создан новый экономический строй общества — социалистический базис. Под руководством большевистской партии была уничтожена старая, капиталистическая надстройка и создана новая надстройка, социалистическая. Весь этот процесс революционного преобразования общества, классовых битв, утверждения и создания нового строя, как его базиса, так и его надстройки, с гениальной силой мысли обобщен товарищем Сталиным, обогатившим исторический материализм новыми выводами и положениями. Новая глава в развитии материалистического понимания истории создана на основе обобщения опыта уничтожения старого базиса и старой надстройки и создания нового базиса и новой надстройки, на основе несравненного опыта, которым обладает большевистская партия.

Развив и обогатив марксистскую теорию базиса и надстройки, товарищ Сталин показал далее, что язык коренным образом отличен от надстройки, что его нельзя считать надстройкой над базисом.

«Язык, — пишет И. В. Сталин, — порожден не тем или иным базисом, старым или новым базисом, внутри данного общества, а всем ходом истории общества и истории базисов в течение веков. Он создан не одним каким-нибудь классом, а всем обществом, всеми классами общества, усилиями сотен поколений»¹.

Эта характеристика языка, полностью соответствующая историческим фактам, обнаруживает всю разницу между языком и надстройкой. Язык служит не одному какому-нибудь классу, а всему обществу, он может выполнять свою роль как средство общения между людьми именно и только как общенародный язык. Язык, собственно, для того и создается, вырабатывается и оформляется, чтобы служить всему обществу. Язык есть средство, которое дает

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 7.

возможность людям понимать друг друга, наладить совместную жизнь, производство, общение друг с другом.

И. В. Сталин показал, что:

«а) марксист не может считать язык надстройкой над базисом;

б) смешивать язык с надстройкой — значит допустить серьезную ошибку»¹.

Товарищ Сталин в полном соответствии с историческим развитием устанавливает, что современные языки есть продукт не одной данной эпохи, а целого ряда эпох, что язык живет гораздо дольше, чем живут надстройки, что он не ликвидируется с уничтожением данного базиса и его надстройки, а продолжает развиваться дальше, сохраняя свой грамматический строй и основной словарный фонд, обогащаясь новыми словами и формами и отбрасывая постепенно некоторые отжившие слова и формы.

Со времени смерти Пушкина, например, прошло более ста лет. В России за это время были ликвидированы феодальный строй, капиталистический строй, возник социалистический строй, ликвидированы были феодальная и капиталистическая надстройки, возникла социалистическая надстройка, а современный русский язык по своей структуре мало чем отличается от пушкинского языка. Французский язык начала XVIII века и современный французский язык также по своей структуре мало чем отличаются друг от друга, хотя за это время во Франции был ликвидирован феодальный строй, развился капиталистический строй, затем он устарел и уже давно прогнил и вступил в стадию своего смертельного кризиса.

Точно так же обстоит дело и с языками других народов. Румынский язык по своей структуре за последнее столетие мало чем изменился; он остался примерно таким, каким был при Эминеску, создателе румынского литературного языка, хотя за это время в Румынии развился капитализм, были уничтожены старые феодальные базис и надстройка, был ликвидирован буржуазный строй и сейчас успешно создается новая, социалистическая экономика, и на этой основе растет новая надстройка.

Все это свидетельствует о том, что язык не ликвидируется, подобно надстройке, при ликвидации старого базиса и создании нового.

И. В. Сталин дал в своей работе по языкознанию исчерпывающее диалектико-материалистическое истолкование языка как общественного явления. Это последовательное материалистическое истолкование языка направлено против всех и всяческих идеалистических теорий, трактующих о «духовном», «божественном» происхождении языка. Оно направлено против разного рода так называемых «психологических» и «социологических» теорий языка, имеющих распространение в буржуазном языкознании. Довольно широкую известность приобрели, например, взгляды французского лингвиста Ф. де Соссюра, основное положение которого состоит в том, что

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

единственным и истинным объектом лингвистики является «язык, рассматриваемый в самом себе и для себя». Де Соссюр противопоставляет «внутреннюю» и «внешнюю» лингвистику, или, иначе говоря, язык, тому, что можно было бы назвать социальной основой языка. Концепция де Соссюра о языке называется «социологической концепцией языка». Де Соссюр занимается поверхностным сопоставлением языка с различными историческими, географическими, психологическими факторами. При этом сам язык выступает у него в виде замкнутой в самой себе «системы», законы которой, в конечном счете, не выходят за пределы индивидуально-психологического круга представлений людей. Таким образом, этот «социологизм» представляет собой довольно типичное идеалистическое учение о языке. В основе этого «учения о языке» лежит кантрианско-дюркгеймовская идеалистическая социология.

Другой известный французский лингвист Вандриес, хотя и утверждал, что неправильно представлять язык как некую идеальную сущность, развивающуюся независимо от человека, имеющую свои собственные цели, вместе с тем стоит на агностической точке зрения, считая, что проблема происхождения языка вообще недоступна для нашего разрешения. Он утверждал, что язык является порождением и фактом индивидуальной психологии людей и всеми корнями своими уходит в глубины индивидуального сознания.

Марровцы критиковали эти и подобные им лингвистические «теории», однако в силу неправильности их собственной концепции и вульгарно-упрощенческого подхода к языку они не могли разгромить и даже серьезно поколебать все эти буржуазно-идеалистические языковедческие «теории». Теперь, в результате работ товарища Сталина, мы имеем прочную основу и базу для полного разгрома антинаучных, идеалистических концепций в языкознании.

И. В. Сталин рассматривает язык как одно из важнейших общественных явлений, без которого человеческое общество не может существовать. В этом смысле, указывает он, язык есть необходимое орудие общения между людьми, он является вместе с тем необходимым орудием развития общества.

«Язык, — писал товарищ Сталин, — относится к числу общественных явлений, действующих за все время существования общества. Он рождается и развивается с рождением и развитием общества. Он умирает вместе со смертью общества. Вне общества нет языка. Поэтому язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка»¹.

Такова глубокая историко-материалистическая трактовка языка как общественного явления, которую дает товарищ Сталин. Одновременно И. В. Сталин рассматривает язык как специфическое общественное явление, которое нельзя причислить ни к базису, ни к

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

надстройке, ни к «промежуточным» между базисом и надстройкой явлениям, которых, говорит товарищ Сталин, вообще в обществе нет.

Все эти положения, с точки зрения развития теории исторического материализма, представляют собой исключительный интерес. Во-первых, такое исчерпывающее раскрытие общественной природы языка и того непреложного факта, что именно народ является творцом и носителем языка, что язык целиком и полностью принадлежит сфере общественной жизни человека, что понять законы развития языка можно только в связи с пониманием законов исторического развития, — показывает образец истолкования языка с точки зрения материалистического понимания истории. Во-вторых, до появления работы И. В. Сталина по языкознанию среди работников в области философии и языкознания была распространена та довольно схематическая точка зрения, что все явления общественной жизни могут быть причислены либо к базису, либо к надстройке. Никаких других, небазисных и ненадстроечных, явлений не признавалось. Поэтому язык надо было как-нибудь определить в одну из этих категорий. Поскольку в явления базиса его нельзя было зачислить, он был причислен к явлениям надстройки. Выявляя же специфические особенности языка, товарищ Сталин показал, что имеются в обществе такие специфические общественные явления, как язык, которых нельзя причислить «ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек».

Теоретические положения И. В. Сталина о базисе и надстройке имеют чрезвычайно большое значение не только для коммунистической партии СССР, но и для деятельности коммунистических и рабочих партий стран народной демократии, где идет бурный процесс строительства социализма, т. е., иначе говоря, процесс строительства нового, социалистического базиса и социалистической надстройки и вместе с тем процесс уничтожения элементов старого базиса и старой надстройки.

Эти же теоретические положения имеют важное значение для коммунистических и рабочих партий капиталистических стран, обращая их внимание на необходимость самой активной и наступательной борьбы против всех элементов и организаций, составляющих капиталистическую надстройку, пытающихся укреплять капиталистический базис, против буржуазного государственного аппарата, буржуазной идеологии, философии, морали, — одним словом, против всего того, что является орудием политического, социального, духовного закабаления народных масс, что служит империализму, его алчным, агрессивным замыслам.

* * *

Базис, как было уже выше установлено, нельзя отождествлять с производством или же со способом производства. Базис и способ производства — это различные категории исторического материа-

лизма. Способ производства включает в себя производительные силы и производственные отношения. Базис — это только совокупность производственных отношений. Базис — это экономический строй общества. отождествление базиса со способом производства ведет к смешению различных понятий исторического материализма. Такое отождествление незаконно и неправомерно включает в понятие базиса понятие производительных сил. Конечно, производственные отношения тесно связаны с производительными силами, бесспорно, их нельзя отрывать друг от друга, однако с целью научного рассмотрения общества выделение понятий базиса и надстроек не только целесообразно, но и необходимо. Незаконмерное отождествление базиса общества со способом производства сказывается особенно сильно, когда мы подходим к задаче объяснения многих общественных явлений из области надстройки.

И. В. Сталин, разрабатывая теорию базиса и надстройки, выставил новое, крайне важное положение о том, что надстройка отражает изменения в развитии производства, производительных сил общества не сразу и не прямо, не непосредственно, а через изменения в базисе.

Язык связан с производством, говорит товарищ Сталин, непосредственно. Нельзя и шагу сделать в производстве, скажем на фабрике, заводе или сельском хозяйстве, без языкового общения людей. Поэтому изменения в производстве находят отражение в языке непосредственно, не дожидаясь изменений в базисе.

Без общения людей на почве единого языка производство, как и всякая другая деятельность людей, останавливается. Поэтому, как указывает товарищ Сталин, сфера действия языка почти безгранична в обществе. Нет языка вне человеческого общества, вне общественной жизни людей. И, наоборот, нет и не может быть производства, общественной жизни людей без языка.

Надстройка же связана с производством, производственной жизнью не непосредственно, а опосредствованным образом. Поэтому изменения в производстве отражаются в надстройке, лишь преломляясь через базис. Надстройка, указывает товарищ Сталин, «связана с производством лишь косвенно, через посредство экономики, через посредство базиса. Поэтому надстройка отражает изменения в уровне развития производительных сил не сразу и не прямо, а после изменений в базисе, через преломление изменений в производстве в изменениях в базисе»¹. Поэтому и сфера действия надстройки уже, чем сфера действия языка.

Это является одним из важнейших положений исторического материализма, которое дает возможность глубоко и правильно объяснять общественные явления в области надстроек, не скатываясь при этом на позиции идеализма и вульгаризаторства.¹

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 11.

В свое время в России после революции 1905 года чрезвычайно шумно, с большой претензией на «единственно правильную позицию» выступал Шулятиков с вульгаризаторскими истолкованиями явлений общественной жизни. Свои вульгаризаторские социологические упражнения он выдавал за «научное» применение марксизма к общественным явлениям. Шулятиков, а также небезызвестные Богданов, историк Покровский и другие считали необходимым непосредственно выводить идеологические формы из уровня производства и состояния техники. При таком методе подхода к общественным явлениям они сразу же становились в тупик перед многими общественными явлениями и не умели, конечно, правильно их объяснить. Широко известна вредная идеалистическо-махистская концепция Богданова по вопросам идеологии, его «пролеткультовские» установки, сводившиеся к стремлению создать какую-то выдуманную им «пролетарскую культуру», оторванную от действительного исторического развития науки. Таковы были некоторые «результаты» предложенного ими метода.

Особенно безнаденно выглядят попытки увязать сложные явления в области надстройки, например уровень древнегреческого искусства или блестящее развитие русской литературы XIX века, непосредственно с производством, непосредственно с развитием производительных сил.

Пошлое вульгаризаторство в подобного рода вопросах еще в свое время жестоко высмеял Маркс. В «Теориях прибавочной стоимости», говоря о подобном «методе», он отмечал: «Можно притти к выдумке французов восемнадцатого столетия, осмеянной уже Лессингом: так как мы в механике и т. д. ушли дальше древних, то почему бы нам не создать и эпоса? И вот является Генриада взамен Илиады!»¹.

Известно, что по уровню развития производительных сил древнегреческое рабовладельческое общество стояло ниже феодального общества, а между тем в древней Греции были созданы блестящие образцы литературы и искусства. Попытка непосредственного объяснения этих явлений из производства, конечно, терпит крах.

Русская литература первой половины и середины XIX столетия достигла высочайшего развития и превзошла и по своему идейному содержанию и по художественному мастерству литературу всех европейских стран, в частности литературу Англии и Франции. Однако развитие производительных сил в это время в России стояло на более низком уровне, чем, скажем, в Англии, которая пережила уже промышленный переворот и где капиталистические отношения и новая техника уже прочно утвердились. Но классовые противоречия в России были настолько напряженными, сила назревавшей могучей крестьянской революции была так велика, острота классовых отношений в стране достигла такой степени

¹ К. Маркс. Теории прибавочной стоимости, т. I, стр. 239. Изд. 1936.

выражения, что на этом фоне не могла не вырасти и действительно выросла единственная в своем роде литература, замечательно отобразившая вольнолюбивые и передовые устремления широчайших народных масс и передовой интеллигенции России. Простое и прямое сопоставление великой поэзии Пушкина, Лермонтова и Некрасова, прозы Гоголя, Тургенева, Толстого с орудиями и средствами производства тогдашней России могло бы выглядеть только как карикатура на марксизм и ничего общего с материалистическим пониманием истории не имело бы. Только широкий подход к этим величественным явлениям в области русской литературы, только глубокое понимание всего исторического процесса развития, всех экономических и классовых отношений в России в целом способно в полном соответствии с материалистическим пониманием истории дать объяснение причин появления и изумительного расцвета замечательной русской литературы XIX века.

Шулятиков в своей книге «Оправдание капитализма в западноевропейской философии» (от Декарта до Маха, 1908 г.) выводит идеологию непосредственно из производства. Так, например, отмечая перерождение современного театра, упрощение декораций и т. д., он объясняет это требованиями капиталистической конкуренции, необходимостью сокращения издержек производства. Переходя к философии, он писал, например, что у Авенариуса «материя сведена к духу и лишена всякого качества» и что это объясняется тем, что при современном развитии капиталистического производства для капиталистов не существует рабочих, отличающихся своими индивидуальными особенностями, а существуют сегодня Иваны, завтра Павлы или Яковы и т. д.

В свое время Плеханов, высмеивая эти вульгаризаторские попытки, говорил, что это так хорошо, что возникает даже вопрос, не шутит ли г. Шулятиков. Плеханов отмечал далее, что как пародия на марксизм его книга очень зла и даже талантлива, но как книга, претендующая на марксистское объяснение общественных явлений, она представляет собой сплошное вульгаризаторство и ничего общего с марксизмом не имеет. Когда Шулятиков в своей книге писал, что мир в системе Декарта организован по типу мануфактурного предприятия или же что декартовские понятия о человеке воспроизводят организацию мануфактурной мастерской, — ничего, кроме смеха, эти благоглупости не могли вызывать. Ленин в своих знаменитых замечаниях на книгу Шулятикова по поводу этих рассуждений просто написал: «Вздор». Закончив чтение книги Шулятикова, Ленин сделал следующее резюме: *«Вся книга — пример безмерного опошления материализма. Вместо конкретного анализа периодов, формаций, идеологий го л а я ф р а з а о б «о р г а н и з а т о р а х» и до смешного натянуты, до нелепости неверные сопоставления.*

Карриатура на материализм в истории»¹.

¹ «Под знаменем марксизма» № 6 за 1937 г., стр. 28.

Мы несколько подробно останавливались на разборе вульгаризаторских упражнений Шулятикова для того, чтобы показать, как неправильно, ложно выводить идеологические формы, философские, художественные и литературные взгляды непосредственно из производства.

Таким образом, положение товарища Сталина о том, что надстройка не связана с производством непосредственно, а через базис, через производственные отношения, приобретает особое значение и является необходимым для правильного понимания метода исторического материализма. Эти положения товарища Сталина вооружают всех сторонников материалистического понимания истории верным компасом для глубокого и правильного подхода к объяснению надстроечных явлений.

* * *

Гениальные работы И. В. Сталина по вопросам языкознания имеют чрезвычайно большое значение для понимания науки, для выяснения той важной роли, которую она играет в обществе.

Вся совокупность научного знания, как известно, может быть подразделена на две главные ветви: на науки о природе и на общественные науки. Науки о природе, или естествознание, а также технические науки бесспорно имеют много общего с языком: они с успехом могут обслуживать различные классы общества, они непосредственно связаны с производственной деятельностью человека.

В работах Маркса и Энгельса, а также в произведениях Ленина и Сталина можно найти богатый материал, показывающий непосредственную связь естественных и технических наук с производством. Энгельс отмечал, что очень часто ученые хвастали тем, что производство обязано науке, но, говорил он далее, наука бесконечно больше обязана самому производству. Известно, что наука в своем возникновении непосредственно выросла из практики, из потребностей производства. «Как и все другие науки, — писал Энгельс, — математика возникла из практических нужд людей: из измерения площадей земельных участков и вместимости сосудов, из счисления времени и из механики»¹.

Необходимость регулирования воды в Египте, в Ломбардии, в Голландии или в Индии было большим толчком в деле развития наук.

Если, указывал Энгельс, после темной ночи средневековья вдруг стала возрождаться с такой неожиданной силой наука и стала развиваться с такой чудесной быстротой, то этим чудом наука опять-таки обязана производству. Энгельс указывал, что не только развитие астрономии, математики, механики вызывалось непосредственными нуждами производства, но дальнейшее развитие произ-

¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 37. Изд. 1950.

водства потребовало также развития физики, ее отпочкования от химии, развития самой химии. Торичелли, например, именно в связи с промышленными и гидротехническими сооружениями изучает движение жидкостей и т. п.

Маркс писал: «Все учение о трении, а стало быть и все исследование о математических формах системы зубчатой передачи, зубцов etc. произведены над мельницей. Здесь же впервые было разработано учение об изменении степени движущей силы, о лучших способах ее применения etc. Почти все великие математики, начиная с середины XVII столетия, исходят, поскольку они занимаются практической механикой и пытаются ее теоретизировать, из простой водяной мельницы для зерна»¹.

Маркс указывал, что с тех пор, как была создана водяная мельница для размола зерна, уже по сути дела имелись все составные части организма машины: механическая движущая сила, передаточный механизм, рабочая часть машины и т. д. А это в свою очередь послужило основой для новых теоретических обобщений, для развития ряда отраслей науки. На этих примерах мы видим, как непосредственно интересы промышленного развития, интересы производства вызывают развитие естественных и технических наук и как, с другой стороны, развитие наук непосредственно вплетается в производство, в свою очередь совершенствуя и двигая вперед само производство. Маркс в «Капитале» и в других своих трудах на многочисленных примерах показывает, как интересы производства, необходимость сокращения времени производственного процесса требуют внедрения научных методов в технику производственных процессов. Например, введение химического окрашивания тканей, дубления кожи при помощи дубильной кислоты, введение сушильных аппаратов, введение пудлингования и бессемеровского процесса при переработке чугуна в сталь потребовали развития соответствующих разделов химии, физики и ряда технических наук.

Бессмертный анализ применения машин в производстве, данный Марксом в «Капитале», показал, что это использование машин базируется и регулируется строго научными законами, и все это делает возможным непосредственное применение естествознания к промышленности. Эти примеры показывают, что развитие естественных наук и техники непосредственно связано с производством, обслуживает его. Технические и научные достижения в области физики, химии, в области технических наук рабочий класс, придя к власти, использует самым широким образом для развития социалистического производства, для борьбы против капитализма.

Из всего этого следует, что науки о природе и технические науки, если брать их фактическое, специальное содержание, непосредственно связаны с производством, как бы вплетаются в развитие производства. Заканчивать, однако, анализ роли науки в обществе на этом нельзя. В науках в классовом обществе происходит идео-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXIII, стр. 131--132.

логическая борьба, являющаяся отражением борьбы между антагонистическими классами этого общества.

Любая наука, кроме своего специфического содержания, имеет также в своем составе и мировоззренческие основы. Надо уметь видеть различие между фактическим, непосредственным содержанием естественных и технических наук и философским, мировоззренческим истолкованием этих фактических достижений. Законы физики, атомной структуры вещества, периодическая система элементов Менделеева, законы квантовой механики дали человеку необычайные, новые силы для господства над природой. Эти достижения естественных наук в состоянии служить и действительно служат как капитализму, так и социализму. На основе этих научных открытий была создана атомная бомба, которая в США, в руках империалистических поджигателей войны, является величайшей угрозой для мирного существования человечества. Атомная же энергия в СССР служит народу и является величайшим благом для человечества. Но кроме специальных, фактических знаний, любая естественная и техническая наука содержит еще общие философские выводы и обобщения, опирается в мировоззренческие вопросы. Вот здесь и происходит в науке непрерывная борьба между двумя основными лагерями в истолковании законов и выводов науки — борьба между материалистическим и идеалистическим лагерями. В этом отношении любая наука, начиная от математики, геологии, физики, почвоведения и кончая даже специальными техническими науками, как, например, наукой о сопротивлении материалов, является ареной острой борьбы между материализмом и идеализмом.

В. И. Ленин в своем гениальном труде «Материализм и эмпириокритицизм» указывал, что необходимо уметь усваивать фактические достижения науки и вместе с тем уметь отсекаать реакционные, идеалистические тенденции в науке. Надо использовать, говорил Ленин, все ценные работы в специальных областях знания (химии, физики, биологии, физиологии и т. д.), без которых невозможно развитие производства, техники, улучшение здоровья и быта трудящихся, и вместе с тем не отступать ни в едином моменте, когда речь заходит о философских выводах из этих достижений, не отступать ни в чем от материализма.

Ленин говорил о том, что в условиях антагонистического классового общества, в условиях империализма, который означает поворот к реакции по всем линиям, «реакционные поползновения порождаются самим прогрессом науки». Ленин указывал, что в этих социальных условиях развитие науки, кроме живого и жизнеспособного вещества, дает также «некоторые мертвые продукты, кое-какие отбросы, подлежащие отправке в помещения для нечистот». Говоря это, он имел в виду реакционные, идеалистические школы и школки, появляющиеся в философии и науке. Известно, как современная идеалистическая реакция использует теорию относительности Эйнштейна, квантовую механику, новейшие данные об атомной

структуре вещества для попыток подновления и оживления идеализма, агностицизма. Необходимо, указывал В. И. Ленин, вести ясное, четкое противопоставление во всех областях знания, во всех научных вопросах материалистической и идеалистической линий.

Само собой разумеется, что эти философские, мировоззренческие вопросы, занимающие такое большое место в науке, являются ярким отражением классовой борьбы в обществе.

Ленин писал, что общественные науки призваны обслуживать интересы различных классов, «ибо «беспристрастной» социальной науки не может быть в обществе, построенном на классовой борьбе»¹. Общественные науки, развивающиеся в определенных общественных формациях, обслуживают господствующие классы этих формаций. С другой стороны, другие общественные знания вырастают в связи с борьбой трудящихся за свое освобождение и обслуживают эту борьбу, но это уже знания другие, коренным образом отличающиеся от так называемых «общественных наук» господствующих классов.

Если нельзя говорить о буржуазной или пролетарской математике и химии, о буржуазной или пролетарской науке о сопротивлении материалов, то вполне естественно говорить о буржуазной и пролетарской политической экономии или философии. Таким образом, общественные науки непосредственно не связаны с производством, — эта связь идет через посредство базиса, через изменения в базисе. Одни и те же общественные науки не могут с одинаковым успехом обслуживать различные антагонистические классы. Будучи разными по своим исходным позициям и идеологическим направлениям, они коренным образом отличаются друг от друга и по своему содержанию и по-разному обслуживают антагонистические классы в соответствии с их противоречивыми классовыми интересами. Так обстоит дело с общественными науками в свете рассматриваемых выше положений о базисе и надстройке.

Необходимо вместе с тем указать, что наше различие двух ветвей научного знания — наук о природе, технических наук, с одной стороны, и общественных наук — с другой, — ничего общего не имеет с пресловутым неокантианским делением наук на науки естественные и науки о культуре, с которыми выступили в свое время неокантианцы Виндельбанд и Риккерт. Как известно, в основу разграничения наук они положили субъективный принцип, так как различие между двумя ветвями знаний создается, по их мнению, нашим сознанием, нашими методами исследования, а не объективными различиями самих предметов знания. Суть и смысл их выделения наук о культуре (т. е. общественных наук) состоит в том, чтобы отвергнуть всякую общественную закономерность, так как, по Риккерту, общественные явления только единичны, индивидуальны и не могут быть подведены под общие законы. Такова реакцион-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 19, стр. 3.

ная, идеалистическая, агностическая сущность виндельбандовско-риккертских измышлений.

Марксистское же различие наук о природе и наук об обществе базируется на объективном принципе, на объективном различии предметов знаний, на материалистическом анализе роли естественных и общественных наук в обществе.

* * *

Великим открытием академика Марра считалось его положение о так называемом «классовом характере языка». И в этом вопросе Марр, не усвоив марксизма, не понимая его сути, вульгаризируя марксистскую теорию, стал утверждать, что язык есть порождение классов, что язык может быть только классовым, что, по сути дела, нет общенародного, общенационального языка, что общенародный язык есть фикция и т. д.

Марр говорил: «Утверждаю с полным сознанием ответственности такого высказывания, расходясь коренным образом со многими моими товарищами, что нет языка, который не был бы классовым...»¹. И в другом месте: «Яфетидология иной подход к изучению языка, как к речи классовой, в исследовании считает неприемлемым»². К каким совершенно нелепым выводам из своей теории о «классовости» языка приходит Марр, видно хотя бы из следующих его высказываний.

«...Не существует, — писал Марр, — национального, общенационального языка, а есть классовый язык, и языки одного и того же класса различных стран, при идентичности социальной структуры, выявляют больше типологического сродства друг с другом, чем языки различных классов одной и той же страны, одной и той же нации»³. И дальше он приводит пример. Грузинский феодальный язык, говорит он, ближе к армянскому феодальному языку, чем каждый из них к народному языку своей родной страны. Это совершенно не соответствует действительности и показывает лишь, как ошибочная концепция может завести ученого в тупик. Марр считался одним из знатоков грузинского языка и его истории, однако ошибочная концепция о «классовости» языка привела его к таким нелепым выводам. По марровской теории, скажем, американская буржуазия и американский пролетариат должны разговаривать друг с другом через переводчика. А американские и французские рабочие должны разговаривать без всякого переводчика. Конечно, это было бы очень хорошо, но, к сожалению, в действительности дело обстоит не так.

Положение о «классовости» языка целиком принимал и академик Деборин. Вот что писал он: «Поскольку каждому обществен-

¹ Н. Я. Марр. Язык и общество, стр. 90—91. Изд. 1934.

² Н. Я. Марр. К бакинской дискуссии о яфетидологии и марксизме, стр. 19. Изд. 1932.

³ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. II, стр. 415. Изд. 1936.

ному классу свойственна особая идеология, особое мировоззрение, эти последние естественно требуют для оформления новых понятий и идей нового языка». И дальше: «После Великой французской революции на смену аристократическому языку пришел язык буржуазии. У нас после Октябрьской революции аристократически-буржуазный язык сменился в основном пролетарским языком, языком трудящихся масс. К сожалению, это обстоятельство, — добавлял Деборин, — еще мало осознано». К сожалению, «это обстоятельство» оказало слишком большое влияние на многих языковедов и завело их в тупик; оно своевременно не было раскритиковано и долгое время гуляло под флагом «марксистской» теории. Два ученика академика Марра — Никольский и Яковлев — совсем недавно, в 1949 году, писали в журнале «Вопросы философии» о взглядах Марра следующее: «Он доказывал, что всякий язык, особенно же письменный, литературный, является ярко выраженной формой классового языка. И это действительно так»¹.

Нет нужды цитировать многочисленные высказывания по этому же вопросу академика И. И. Мещанинова и других учеников Марра. Ясно одно: они некритически повторяли положения своего учителя и исходили из них в своих работах по языкознанию.

Товарищ Сталин дал окончательное, не оставляющее никаких неясностей решение этого вопроса,двигающее вперед марксистско-ленинскую науку о языке. Язык, учит товарищ Сталин, средство общения людей друг с другом в обществе, поэтому он обслуживает всех членов данной нации, независимо от их социального положения. У племен и народностей, несмотря на наличие отдельных диалектов, имеются общеплеменные языки или языки данных народностей. С развитием капитализма, ликвидацией феодальной раздробленности и образованием наций, учит товарищ Сталин, создаются общенациональные языки. «История говорит, что национальные языки являются не классовыми, а общенародными языками, общими для членов наций и едиными для нации»².

Эти ясные и четкие положения об общенародном языке кладут конец бесконечной путанице и вульгаризаторским упражнениям, практиковавшимся в литературе по вопросам языкознания.

Эти положения товарища Сталина опять-таки, как легко заметить, тесно связаны с его положением о том, что общность языка — один из необходимых признаков нации.

Товарищ Сталин указывал далее, что все ссылки, которые делались на Маркса, Энгельса и Ленина для «доказательства» тезиса о классовости языка, только извращали их взгляды.

Товарищ Сталин показал, что Маркс признавал необходимость единого национального языка как высшей формы, которой подчинены диалекты как низшие формы.

¹ «Вопросы философии» № 1 за 1949 г., стр. 273.

² И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 13.

Товарищ Сталин отмечал далее, что и Энгельс также исходил из того, что отдельные «классовые» диалекты представляют собой ответвления от национального языка и не могут ни в коем случае заменить общенационального языка.

Что же касается взгляда Владимира Ильича Ленина, то его положение о наличии двух «наций» и двух национальных культур при капитализме — буржуазной и пролетарской — не отменяет, а, наоборот, подтверждает наличие общенационального языка, ибо и буржуазная и пролетарская культура данной нации развиваются на одном и том же языке, составляющем форму национальной культуры. Так же, как и Маркс и Энгельс, Ленин признавал необходимость единого общенационального языка. Товарищ Сталин приводит следующее положение В. И. Ленина: «Язык есть важнейшее средство человеческого общения; единство языка и беспрепятственное его развитие есть одно из важнейших условий действительно свободного и широкого, соответствующего современному капитализму, торгового оборота, свободной и широкой группировки населения по всем отдельным классам»¹. Это означает, что, по Ленину, единый национальный язык и его беспрепятственное развитие являются условием развития пролетариата, его социалистической культуры и его победоносной борьбы против буржуазного строя.

Положения товарища Сталина об общенародном и общенациональном языке находятся в тесной связи с его программными положениями о развитии в условиях СССР национальной по форме и социалистической по содержанию культуры. Без высокой оценки роли родного языка для могучего культурного и политического подъема масс, без вывода о том, что общность языка есть один из обязательных признаков нации, невозможна была бы гениальная формула о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры в условиях советского многонационального социалистического государства. Русская, украинская, белорусская, узбекская, литовская и другие национальные культуры народов СССР развиваются на своем национальном языке, составляющем национальную форму культуры, и в этой форме на базе родного языка развивается социалистическое содержание культуры.

Таким образом, теория Марра и его последователей о «классовости» языка коренным образом расходится с жизнью, с действительностью; она фактически означает отрицание, во-первых, программного тезиса марксизма-ленинизма об общности языка как одного из признаков нации, во-вторых, другого программного тезиса марксизма-ленинизма — о развитии национальной по форме и социалистической по содержанию культуры.

И. В. Сталин глубоко раскрыл различие между языком и культурой. В то время как культура, например, в капиталистическом обществе является классовой и там имеется буржуазная и проле-

¹ См. И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 21.

тарская культура, язык не является классовым, он одинаково обслуживает и буржуазную и социалистическую культуру. Культура, далее, меняется с каждым новым периодом развития общества, тогда как язык в основном остается тем же самым по своей структуре на протяжении нескольких исторических периодов и одинаково обслуживает как новую культуру, так и культуру старую.

Отсюда товарищ Сталин делает следующие выводы:

«а) язык, как средство общения, всегда был и остается единым для общества и общим для его членов языком;

б) наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены;

в) формула о «классовости» языка есть ошибочная, немарксистская формула¹.

Таковы важнейшие положения, разработанные И. В. Сталиным по этому вопросу, явившиеся новым шагом вперед в развитии марксистско-ленинской мысли.

Характерно, что у марровцев нашлись адвокаты за рубежом среди лакеев буржуазии. В органе правых французских социалистов «Попюлер» выступил «теоретик» правых социалистов некто Фернанд Косси, отстаивающий теорию Марра о «классовости» языка. «Большинство марксистских писателей, — безапелляционно заявил он, — утверждало классовость языка».

Разве не характерно, что эти предатели социализма, полностью отрекшиеся во всех вопросах от марксизма и от марксистской теории классовой борьбы, вдруг решили выступить в защиту теории «классовости» языка? Выступление Косси лишь подтверждает, что в этой «теории» нет ничего марксистского, что она служит врагам марксизма-ленинизма для извращения марксистской теории. Характерно также, что вкупе со всей реакцией подал свой голос ренегат и трубадур американских империалистов Браудэр, выступив с клеветнической брошюрой, направленной против произведений И. В. Сталина по вопросам языкознания. Так тянется единая цепочка от откровенно империалистической прессы через насковозь прогнившую «социалистическую», вроде газеты «Попюлер» и мерзкой прессы банды Тито—Ранковича, к ренегату Браудэру, — цепочка, которая связывает в одно целое как открытых, так и маскирующихся врагов ленинизма, врагов мира и безопасности народов.

* * *

Определяя специфическую природу языка и внутренние законы его развития, И. В. Сталин выделяет в языке, во-первых, его словарный состав и главное в этом составе — основной словарный фонд, и, во-вторых, грамматический строй языка.

Что такое словарный состав языка? Это все слова данного языка. Богатство каждого языка определяется его словарным составом.

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

вом. Чем больше словарный состав, тем богаче язык, тем он более развит. Однако словарный состав языка не есть еще язык, — он лишь, по выражению товарища Сталина, строительный материал языка.

Что такое основной словарный фонд языка? Это ядро языка, это его корневые слова. Он уже словарного состава, но более устойчив, он живет долго, на протяжении веков, эпох. Корневые слова в каждом языке составляют основу для новых слов, для словообразования, для обогащения языка.

Что такое грамматический строй языка? Товарищ Сталин указывает, что язык становится собственно языком благодаря его грамматике, его грамматическому строю. Грамматика изучает и определяет правила изменения слов, правила соединения слов в предложении. Именно она придает языку стройный, осмысленный характер.

«Грамматика (морфология, синтаксис) является, — пишет И. В. Сталин, — собранием правил об изменении слов и сочетании слов в предложении. Следовательно, именно благодаря грамматике язык получает возможность облечь человеческие мысли в материальную языковую оболочку»¹.

Товарищ Сталин дает чрезвычайно высокую оценку грамматике, грамматическому строю языка, указывая, что словарный состав языка не составляет еще языка, хотя без него немислим никакой язык, что словарный состав лишь строительный материал языка и получает величайшее значение, когда он поступает в распоряжение грамматики, которая придает языку стройный, осмысленный характер. «Грамматика, — говорит товарищ Сталин, — есть результат длительной, абстрагирующей работы человеческого мышления, показатель громадных успехов мышления»². Такая высокая оценка грамматики, такое выяснение роли и значения грамматического строя языка положили конец недооценке грамматики, которая культивировалась марровской школой.

Марр и его ученики фактически рассматривали грамматику как пустую формальность; вульгаризируя и извращая теорию марксизма, они пытались переносить характер тех или иных общественных отношений прямо и непосредственно в область грамматики. Так, например, академик И. И. Мещанинов занимался установлением «социальной значимости» грамматических форм. Марр считал, что слова в предложении согласованы так, «как согласованы в жизни члены любой производственной организации». Это явное упрощенчество в понимании роли и функций грамматики в развитии языка.

Любая производственная организация, например завод, построена определенным образом: там имеются цехи, есть директор, главный инженер, начальники цехов; у завода имеется свой график работы, завод выпускает по плану определенную продукцию. Как

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 23—24.

² Там же, стр. 24.

же можно данную организацию применить к согласованию слов в предложении? Вероятно, это известно одним только рьяным последователям Марра. Ясно, что такое подведение «социального базиса» под грамматику является вульгаризаторским измышлением, препятствовавшим действительному изучению грамматики и осуществлению ее действительной роли в развитии языка. К сожалению, такая недооценка грамматики, вульгаризаторские упражнения о «социальной» и «классовой» природе грамматических форм оказывали вредное влияние на нашу школу и расшатывали основы преподавания языка в школе. Указания И. В. Сталина об основных элементах языка, о роли грамматики в развитии языка кладут конец недооценке грамматики в школе и вузах и ставят изучение языка на правильные научные рельсы.

Научное определение языка, установление его основных, необходимых составных частей, характеристика взаимоотношений между ними — все это обобщения огромной силы. Они станут исходной точкой для дальнейшего развития языкознания.

Одно из центральных мест в теории Марра занимает так называемая палеонтология языка, построенная на пресловутом четырехэлементном анализе различных языков.

В чем суть этой теории? Вот что говорит по этому вопросу сам Марр: «Все слова всех языков, поскольку они являются продуктом одного творческого процесса, состоят всего на всего из четырех элементов, каждое слово из одного или двух, реже трех элементов; в лексическом составе какого бы то ни было языка нет слова, содержащего что-либо сверх все тех же четырех элементов. Эти четыре элемента обозначаем прописными латинскими буквами А, В, С, D; они, прежде называвшиеся нами же племенными словами... основа формального палеонтологического анализа каждого слова; без предварительного производства такого анализа, без разложения слова на наличное в нем количество элементов, одного, двух или более, нельзя сравнивать, без такого анализа сравнительный метод не действителен»¹.

Таким образом, слова всех языков, по Марру, в конце концов сводятся к четырем основным элементам. К чему это приводило, можно видеть из некоторых примеров, демонстрируемых самим академиком Марром. Сравняется, например, русское слово «изрекать», грузинское «эна» — язык, сванское «ракв» — сказал, английское «танг» — язык, как имеющие якобы одни и те же первоначальные элементы. Или грузинское слово «муха» — дуб, которое, по Марру, содержит два элемента: му-ха, — сравнивается с китайским «му» — дерево, мордовским и финским «пу» — дерево, грузинским же «тке» — лес и т. д. Из этих примеров видно, что, согласнo четырехэлементному анализу, можно, скажем, сравнивать грузинские слова с китайскими, латинскими, арабскими, т. е. со словами языков, довольно далеких друг от друга, и «нахо-

¹ Н. Я. Марр. Яфетическая теория, стр. 7. Изд. 1928.

..дить» на деле несуществующие основные общие элементы. Что дает науке такой «анализ»? По сути дела ничего, так как все это есть не что иное, как типичная лингвистическая схоластика. Несмотря на это и даже вопреки тому, что сами ученики Марра признавали «некоторые недостатки» и «недоработанности» в четырехэлементном анализе Марра, все же подобные схоластические упражнения превозносились как одно из крупнейших достижений Марра.

«Палеонтологический метод, — писал, например, Деборин, — позволил нашему ученому добраться до основных элементов звуковой речи, осуществить анализ отдельных словесных выражений на их составные части и затем реконструировать процесс «химического» синтеза, т. е. процесс образования из основных четырех элементов всего богатства человеческой речи».

Марровский четырехэлементный анализ — схоластическая, идеалистическая теория, тормозившая развитие науки о языке. Если условно провести сравнение, то можно сказать, что это своеобразная теория «генов» в языке, своего рода вейсманизм в языкознании. Неизменные четыре сущности, или элемента, любого языка в языкознании — это те же неизменные, вечные «гены» — носители якобы неизменных наследственных признаков организма в вейсманистской биологии.

Характерно, что, упражняясь в схоластических сравнениях слов самых различных и отдаленных друг от друга языков, не имеющих общих корней и корневых слов, выискивая всякие заимствования и случайные совпадения в звучании слов, Марр и его ученики всячески избегали изучения родства языков, действительно близких по своему происхождению народов, например родства и общего происхождения корней языков славянских народов, поставили это изучение под запрет, преследуя всякую попытку такого изучения как проявление буржуазного сравнительно-исторического метода в языкознании. Разоблачая эти порочные установки, И. В. Сталин говорит:

«Н. Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как «идеалистический». А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьезные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырехэлементный анализ Н. Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырех элементов»¹.

Столь же порочной является «теория» Марра о «смешанном, скрещенном характере всех языков», вытекающая из отрицания внутренних законов развития языка. Все языки, учит Марр, произошли в результате смешения, скрещивания. «Языкотворчество, или глоттогония, — говорил Марр, — есть процесс мировой, и на этом

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 33.

пути значение исключительного фактора получило так называемое скрещение...»¹. Марр и его последователи изображают процесс образования языков извращенно, в противоречии с действительным историческим процессом. «Теория скрещивания языков» Марра на деле означала отрицание специфических национальных особенностей языков, их национальной самобытности. Такая «теория» вела и ведет к космополитизму в учении о языке. Характерно, что именно за эту «теорию» ухватились всякого рода путаники и вульгаризаторы марксизма.

К чему приводит эта «теория» Марра, можно видеть хотя бы по статье Никольского и Яковлева в журнале «Вопросы философии» № 1 за 1949 год, о которой говорилось выше.

Всем известны, например, достоинства русского языка, его изумительное богатство, его звучность и гибкость, его своеобразие и самобытность, возможность точно передать на этом языке тончайшие душевные переживания, сложные научные вопросы, силу и красоту природных явлений. Нельзя не вспомнить в этой связи прекрасную характеристику русского языка, которую дал М. В. Ломоносов в своей «Российской грамматике» (1755 г.). В русском языке можно найти, писал он, «великолепие Ишпанскаго, живость Французскаго, крепость Немецкаго, нежность Италиянскаго, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость Греческаго и Латинскаго языка»². Кто вникнет в изучение русского языка, говорил он, кто поймет его своеобразие, его качества, тот убедится в этом со всей бесспорностью. М. В. Ломоносов направлял свои стрелы против тех, кто не хотел заниматься изучением самобытных черт русского языка, а больше «к чужим языкам, нежели к своему, трудов прилагали».

И вот теперь, почти через 200 лет после этих замечательных высказываний М. В. Ломоносова, появляются ученые, отбрасывающие вопрос о национальной самобытности русского языка, и, базирясь на неправильной концепции Марра, представляют русский язык только как результат смешения разных влияний и разных языков. Ничего не говоря о национальной самобытности русского языка, об его основном словарном фонде, о его специфическом грамматическом строе, Никольский и Яковлев, в полном соответствии с «теорией» Марра, в извращенном виде рассматривают историю русского языка и его особенности.

«В русском языке, — пишут они, — наблюдаются не только усвоенные и полностью освоенные нами слова тех языков, с которыми мы непосредственно соседнили, но также и некоторые лексические элементы, проникшие к нам благодаря развитию начавшегося с XVIII века широкого обмена с Западом, т. е. голландские, немецкие, французские и др.»³. Из этих рассуждений получается, что

¹ Н. Я. Марр. Избранные работы, т. IV, стр. 60. Изд. 1937.

² М. В. Ломоносов. Соч., т. IV, стр. 10. Изд. 1898.

³ «Вопросы философии» № 1 за 1949 г., стр. 274.

русский язык — это результат смешения русских, голландских, немецких, французских и других слов. Авторы ничего не говорят о том, что это заимствование составляет ничтожный процент основного словарного фонда русского языка и происходит в строгом соответствии с грамматическим строем этого языка, о том, что обогащение русского языка, которое происходило на протяжении веков, ничуть не затрагивало его национальных особенностей, его своеобразия, а, наоборот, усиливало и развивало их. Единственно, против чего они спорят, это против некоторых немецких националистических языковедов, которые начисто отрицают обратное проникновение славянских слов в немецкий, древнегерманский язык.

Никольский и Яковлев, далее, утверждают, что процесс скрещивания касается не только словарного состава языка, что это более глубокий процесс, который охватывает также и грамматическую основу языка. Вот что они пишут: «Достаточно сопоставить наш современный синтаксис и синтаксис XVIII века, чтобы увидеть, какую роль в изменении языка играют переводы с одного языка на другой различных научных сочинений и даже книг для легкого чтения. Русский синтаксис XVIII века является продуктом взаимодействия русского языка с формами синтаксиса таких языков, как латинский, немецкий и др.»¹.

Таким образом, по мнению авторов, русский синтаксис XVIII века — это продукт смешения, скрещивания с синтаксисом латинского и немецкого языков, и, следовательно, самобытность грамматического строя русского языка у этих авторов фактически пропадает. Но дело не ограничивается только XVIII веком.

«...Нет ли в современном русском языке каких-либо признаков протекающего в нем сейчас процесса взаимодействия с языками народов СССР, т. е. смешения? — спрашивают авторы и отвечают: — Внимательный наблюдатель, даже не будучи русистом, может обнаружить такие случаи не только в синтаксисе и лексике, но и в морфологии и фонетике»².

Бесспорно, и раньше происходил и теперь происходит процесс обогащения русского языка в результате взаимного экономического и культурного обмена ценностями между русской и другими нациями. Особенно усилился такой процесс взаимного обогащения языков разных национальностей в СССР на базе расцвета экономики и культуры в национальных республиках, на базе культурной революции, происшедшей в СССР. Однако считать, что такое словарное обогащение затрагивает глубоко грамматический строй языков, их синтаксис и морфологию, является сугубо неправильным.

Товарищ Сталин устанавливает, что «теория скрещивания не может дать чего-либо серьезного советскому языкознанию».

¹ «Вопросы философии» № 1 за 1949 г., стр. 274.

² Там же, стр. 275.

«Совершенно неправильно было бы думать, — указывает И. В. Сталин, — что в результате скрещивания, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них»¹. Товарищ Сталин, ссылаясь на исторические факты, отрицает подобное «скрещивание». «На самом деле, — пишет товарищ Сталин, — при скрещивании один из языков обычно выходит победителем, сохраняет свой грамматический строй, сохраняет свой основной словарный фонд и продолжает развиваться по внутренним законам своего развития, а другой язык теряет постепенно свое качество и постепенно отмирает»².

Здесь выражен совершенно другой подход к пониманию процесса скрещивания языков до победы социализма во всем мире, чем это имеет место в «теории скрещивания» Марра. При этом подходе принимаются во внимание устойчивость и самобытность языков, устойчивость их грамматического строя, их основного словарного фонда, что и имеет место в действительности. В силу определенных исторических условий развития племен, народов, наций в условиях национального гнета один язык побеждает, а другой терпит поражение. Конечно, победивший язык некоторым образом обогащается новыми словами за счет побежденного. Но, как правило, это обогащение словарного состава не нарушает ни грамматического строя победившего языка, ни его основного словарного фонда. Так происходило в истории с рядом языков (французским, английским и др.). Русский язык также скрещивался с языками народов, населяющих Россию, но при этом его национальная самобытность не терпела ни малейшего ущерба.

«Что касается национальной самобытности русского языка, — пишет И. В. Сталин, — то она не испытала ни малейшего ущерба, ибо, сохранив свой грамматический строй и основной словарный фонд, русский язык продолжал продвигаться вперед и совершенствоваться по внутренним законам своего развития»³.

Товарищ Сталин показал коренное различие в условиях и характере развития национальных языков до победы социализма во всем мире и после этой победы.

В эпоху, когда эксплуататорские классы являются господствующими, когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, в этих условиях, говорит товарищ Сталин, «могут быть лишь победившие и побежденные языки»⁴. Совершенно другое положение создается после победы социализма в мировом масштабе. В этих условиях, естественно, не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь языки имеют возможность обогащать друг друга в порядке свободного сотрудничества, на основе полного равноправия. «Здесь

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

² Там же, стр. 29—30.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Там же, стр. 53.

мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков»¹.

Эти положения И. В. Сталина являются дальнейшим развитием выдвинутых им по этому вопросу положений в труде «Национальный вопрос и ленинизм», где показана перспектива развития национальных языков после победы социализма во всех странах и определены условия, при которых все языки сольются в один общий международный язык мирового коммунистического общества.

С большой силой и убедительностью товарищ Сталин разбил ложность и ошибочность представлений о том, что скрещивание языков дает новый язык в результате якобы «решающего удара», «путем взрыва», путем внезапного «перехода языка от старого качества к новому»².

Товарищ Сталин показал, что скрещивание языков происходит медленно, длительно, что этот процесс совершается на протяжении столетий, что ни о каких «взрывах» тут не может быть и речи.

Марксизм, указывает И. В. Сталин, не признает внезапных взрывов в развитии языков, внезапной смерти существующих языков или же внезапного создания нового языка. Такие представления о жизни и развитии языков в корне расходятся с исторической действительностью. Такие представления об истории языков могли возникнуть как результат вульгаризации диалектического метода и ничего общего с марксистской диалектикой не имеют.

В этой связи товарищ Сталин высказывает ряд положений о законе перехода от старого качества к новому, имеющих исключительное значение для марксистского диалектического метода, развивающих и обогащающих положения о диалектическом методе, изложенные в его работе «О диалектическом и историческом материализме».

Основные черты марксистско-диалектического метода — это отражение всеобщих законов природы и общества; они имеют значение для всех явлений природы и общества. Однако как разнообразно выражение этих законов в различных областях природных явлений, как различно проявление этих законов в общественной жизни! Следовательно, надо уметь видеть своеобразное проявление этих законов, нельзя сводить, например, все формы закона перехода от старого качества к новому обязательно везде и всюду только в форме «взрыва». Этот переход происходит в форме взрыва при

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 53—54.

² Там же, стр. 27.

смене одной антагонистической общественной формации другой. Революция буржуазии при помощи взрыва свергла феодализм. Классической формой такой революции, такого взрыва была французская революция 1789—1794 годов. Революция пролетариата свергает власть капиталистов и помещиков. Классической формой такой революции была Великая Октябрьская социалистическая революция. Но в обществе, где уже нет антагонистических классов, переход от одного качественного состояния к другому происходит не путем взрывов, а в другой форме. Возьмем, к примеру, процесс социалистической переделки сельского хозяйства, процесс перехода на рельсы коллективного хозяйства подавляющей массы крестьян в СССР. Как известно, 1929 год был в СССР годом великого перелома. В результате всей предшествующей политики большевистской партии и Советского правительства началось к этому времени массовое добровольное вступление крестьян в колхозы целыми селами, районами, округами. Исходя из этого подлинно массового движения, охватившего подавляющее большинство крестьян, Советская власть перешла от прежней политики ограничения кулачества к новой политике, к политике ликвидации кулачества, как класса, на основе сплошной коллективизации.

«Это был глубочайший революционный переворот, — писал товарищ Сталин, — скачок из старого качественного состояния общества в новое качественное состояние, равнозначный по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года.

Своеобразие этой революции состояло в том, что она была произведена сверху, по инициативе государственной власти, при прямой поддержке снизу со стороны миллионных масс крестьян, боровшихся против кулацкой кабалы, за свободную колхозную жизнь»¹.

По своему характеру, по своеобразию проявления эта революция, или этот скачок, коренным образом отличается от скачков, революций, которые происходят при переходе от одной антагонистической общественной формации к другой. Тут не потребовалось никакого «взрыва». Ведущая роль большевистской партии, инициатива государственной власти, поддержка этих мероприятий массами крестьянства, при наличии строя диктатуры пролетариата обеспечили успешное решение великой задачи — переход на рельсы социализма многомиллионных масс крестьянства. Также не требуется, например, никакого «взрыва» при переходе в СССР от социализма к коммунизму. Постепенный переход от социализма к коммунизму происходит без взрывов, это переход от низшей стадии к высшей одного и того же общественного строя. Он осуществляется под руководством великой коммунистической партии, при полной поддержке ее политики, являющейся жизненной основой советского строя, всем народом. Решающую роль в этом переходе играет социалистическое государство, ибо оно и есть та сила, кото-

¹ История ВКП(б). Краткий курс, стр. 291—292.

рая в общегосударственном масштабе собирает, направляет энергию народа, объединяет, сплачивает, организуя через государственные учреждения историческое творчество народных масс.

Что, собственно, означает постепенный переход от социализма к коммунизму? Он означает дальнейшее развитие технической базы коммунизма, небывалое развитие материальных производительных сил общества. Гигантские стройки коммунизма, создание великих каналов, оживление пустынь, колоссальные лесонасаждения, перелдывающие природу, огромный размах строительства тяжелой индустрии, путей сообщения, необычайное по своим масштабам и темпам развитие всего народного хозяйства в СССР — все это движение вперед, бурное, революционное. Оно совершается постепенно, но не медленно, революционно, но без взрывов.

Постепенный переход от социализма к коммунизму означает полное преодоление противоречий между трудом физическим и умственным, между городом и деревней, полную ликвидацию различия между классами, еще существующими ныне в СССР, — между рабочим классом и крестьянством, — осуществление принципа коммунистического распределения: «от каждого — по его способностям, каждому — по его потребностям». Все это будет означать серьезный скачок в развитии общества, переход к новому качественному состоянию общества в развитии коммунистической формации, которая начинается с первой своей стадии — социализма — и завершается второй своей стадией — коммунизмом. Однако этот скачок не будет взрывом, постепенное развитие социалистического способа производства приведет народы СССР к коммунизму. Надо ли приводить пример того, что уже сейчас в СССР на базе построенного социализма и в результате его дальнейшего развития вполне явственно наметились и видны уже многие черты коммунизма.

Товарищ Сталин подчеркивает, что вообще неверно увлекаться «взрывами», что закон перехода от одного качественного состояния к другому качественному состоянию не всегда происходит в результате взрыва, что этот закон, как и другие законы диалектики, надо применять конкретно, учитывая особую природу каждого явления. Переход от одного качества к другому при помощи взрыва обязателен для антагонистических обществ, для смены одной общественно-экономической формации другой. Но переход от одного качественного состояния общества к другому при помощи взрыва вовсе не обязателен для общества, в котором ликвидированы антагонистические классы.

«В течение 8—10 лет, — пишет товарищ Сталин, — мы осуществили в сельском хозяйстве нашей страны переход от буржуазного индивидуально-крестьянского строя к социалистическому, колхозному строю. Это была революция, ликвидировавшая старый буржуазный хозяйственный строй в деревне и создавшая новый, социалистический строй. Однако этот переворот совершился не путем

взрыва, т. е. не путем свержения существующей власти и создания новой власти, а путем постепенного перехода от старого буржуазного строя в деревне к новому. А удалось это проделать потому, что это была революция сверху, что переворот был совершен по инициативе существующей власти при поддержке основных масс крестьянства»¹.

Переход от старого качества в сельском хозяйстве стран народной демократии, где господствует индивидуальное хозяйство, к новому качеству — колхозному, социалистическому сельскому хозяйству, также не потребует взрыва, а произойдет по инициативе народно-демократической власти сверху и при полной поддержке основных масс крестьянства снизу.

Положение товарища Сталина о законе перехода от старого качественного состояния к новому качественному состоянию без взрыва обогатило диалектический материализм и углубило понимание путей постепенного перехода нашей страны от социализма к коммунизму, понимание своеобразия развития социалистического базиса и его надстройки.

Гениальное сталинское положение разъясняет нам, что крупнейшие качественные изменения в процессе перехода от социализма к коммунизму в результате идейного, сознательного творчества народных масс осуществляются последовательно и планомерно.

Таким образом, закон перехода от старого качества к новому путем взрыва, указывает товарищ Сталин, неприменим не только в отношении истории языка, он не всегда применим также к другим общественным явлениям базисного или надстроечного характера. Товарищ Сталин показал, что к законам диалектики нельзя подходить догматически, что нужно глубоко изучать специфику каждого явления, каждого процесса и в соответствии с этой спецификой применять законы диалектики. Эти положения товарища Сталина имеют огромное значение для дальнейшего развития марксистского диалектического метода и его творческого применения во всех областях теории и практического преобразования мира, в деятельности коммунистических партий всех стран.

Особое значение для развития диалектического материализма имеют выдвинутые И. В. Сталиным положения о единстве языка и мышления. В своей работе «К некоторым вопросам языкознания» товарищ Сталин подверг резкой критике идеалистические взгляды Марра и некоторых языковедов, отрывавших мышление от языка и проповедовавших тарабарщину и различные благоглупости о том, что язык отживает свой век и что вообще можно обойтись и без языка.

С исключительной силой и глубиной научного анализа товарищ Сталин показал природу ошибок Марра, его путь в болото идеализма. Подчеркивая серьезное значение семантики (семасиологии) в де-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 29.

ле изучения языка, товарищ Сталин показал всю глубину ошибок Марра, который отрывал мышление от языка, считал, что общение людей можно осуществить и без языка, при помощи самого мышления, свободного от «природной материи» языка. Тем самым, освободив язык от «норм природы», от языковой «природной материи», Марр скатился к самому чистопробному идеализму.

Марр и его «ученики» игнорировали высказанную Марксом в «Экономических рукописях» (1857—1858 гг.)¹ мысль о том, что «идеи не существуют оторванно от языка». Упростили и вульгаризатор марксизма, Н. Я. Марр не понял мысли Маркса, высказанной им в «Немецкой идеологии», о том, что «язык так же древен, как и сознание; язык как раз и есть практическое, существующее и для других людей, и лишь тем самым существующее также и для меня самого действительное сознание, и, подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоящей нужды в общении с другими людьми»².

Это марксистское положение находит свое дальнейшее развитие в работах И. В. Сталина по языкознанию. Товарищ Сталин, нанося удары по идеалистическим воззрениям Марра и его учеников, разъясняет: «Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголенных мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует. «Язык есть непосредственная действительность мысли» (Маркс). Реальность мысли проявляется в языке. Только идеалисты могут говорить о мышлении, не связанном с «природной материей» языка, о мышлении без языка»³.

* * *

Труд И. В. Сталина по языкознанию оказал большое влияние на развитие научной мысли в Китайской народной республике, в европейских странах народной демократии, в Германской демократической республике. Глубоко осознаны сталинские положения об общенародном языке, о его специфике, о его грамматическом строе, об основном словарном фонде языка и т. д.

В странах народной демократии идет сейчас процесс становления новых, социалистических наций. Поэтому изучение природы и особенностей национальных языков в этих странах чрезвычайно важно. Труд И. В. Сталина оказывает огромное влияние и в деле формирования новых, социалистических наций. Чрезвычайно велико его значение и для установления родственных связей между славянскими языками. В то время как марровская школа направляла языкознание в сторону от этой важной общественно-полити-

¹ См. Архив Маркса и Энгельса, т. IV, стр. 99.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. IV, стр. 20—21.

³ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 39.

ческой научной задачи, товарищ Сталин направляет внимание языковедов именно в эту сторону. Так же как и в Советском Союзе, труд И. В. Сталина по языкознанию способствовал улучшению постановки изучения родного языка в школах и высших учебных заведениях стран народной демократии.

В Китайской народной республике произведения И. В. Сталина по языкознанию вызвали огромный интерес. Они широко распространены по всей стране, глубоко изучаются в китайских университетах. Го Мо-жо, заместитель председателя Административного совета Китая, являющийся одновременно председателем секции лингвистики Китайской академии наук, говоря о значении труда И. В. Сталина по проблемам языкознания, отмечал, что в Китае также были люди, которые разделяли взгляды Марра о так называемом «надстроечном» характере национального языка, о «классовости» языка. Между тем история развития китайского языка, говорил Го Мо-жо, категорически опровергает этот тезис. Китайский народ, отмечал он, говорит на одном и том же языке на протяжении 3—4 тысяч лет, несмотря на все изменения, какие происходили за это время в истории китайского народа. Со времени освобождения китайского народа, говорил Го Мо-жо, в Китае происходят коренные изменения, но Китайская народная республика не собирается заниматься реформой языка.

В Чехословакии было опубликовано много статей, освещающих идейное богатство труда И. В. Сталина по вопросам языкознания. Изучение этой гениальной работы включено в программу центральной и областных партийных школ. Значение ее состоит также в том, что она способствовала устранению влияния вульгаризаторских теорий Марра на некоторых чехословацких ученых и положила основу для критики идеалистической теории «структурализма» в языкознании. Во всех высших учебных заведениях было организовано обсуждение этого труда и его значения для развития отдельных наук. На философском факультете Пражского университета было организовано обсуждение сталинского труда и выяснение его значения для развития философии, историографии, археологии, эстетики и литературоведения. Сталинский труд по языкознанию помогает устранять недостатки в преподавании чешского и русского языков в школах первой и второй ступени. В решении Президиума ЦК компартии Чехословакии об учебниках для начальных и средних школ (17 июля 1951 г.) отмечается, что в свете работы И. В. Сталина новые учебники содержат ряд недостатков, и разъясняется, как следует на основе сталинских положений преодолевать эти недостатки в ходе учебного процесса.

В Румынии труд И. В. Сталина по языкознанию вызвал огромный интерес среди научных кадров. Находясь под известным влиянием марровской вульгаризаторской схемы о «классовости» языка, многие румынские языковеды и даже специальный языковед-

ческий журнал «Кум ворбим» («Как мы говорим») после освобождения Румынии занимались в течение некоторого времени бесплодными исследованиями, якобы «доказывающими» классовый характер языка. В то же время не уделялось достаточного внимания вопросам грамматики, выяснению подлинной природы румынского языка, роли славянских элементов в его словарном составе и т. д. Теперь, под влиянием произведения И. В. Сталина о языке, начата большая и систематическая работа по изучению словарного состава румынского языка, его основного словарного фонда, его грамматического строя, его истории. Выявлено большое влияние славянских элементов в развитии румынского языка. Установлено, например, что в словарном составе румынского языка относительное большинство принадлежит славянским словам. Директор Клужского института языкознания Румынской академии наук профессор Э. Петрович в докладе на сессии Румынской академии наук отмечал, что «нет такого вопроса языкознания из всех поставленных языковедами за полтора столетия существования лингвистики как науки, который не был бы освещен в упомянутом труде И. В. Сталина, выяснившего множество спорных пунктов языкознания и указавшего верный путь для дальнейших исследований в этой области».

В Польше труд И. В. Сталина по языкознанию немедленно после его появления на русском языке был опубликован в польском переводе в ежедневных газетах, был перепечатан всеми теоретическими и научными журналами и вышел отдельным изданием.

Работа польских ученых над изучением сталинской теории языка началась еще осенью 1950 года большой научной сессией института подготовки научных кадров при ЦК Польской объединенной рабочей партии. Статьи, посвященные произведению И. В. Сталина применительно к различным областям знания, были опубликованы во всех общественно-политических и языковедческих журналах. Глубоко обсуждалось значение труда И. В. Сталина для истории науки, эстетики и литературоведения.

В центральном методическом журнале Польши «Полонистыка» была опубликована работа доктора Грабец о реформе преподавания родного языка, о реформе преподавания грамматики в школе. Труд товарища Сталина явился стимулом к более глубокому изучению польского языка, особенно языка великих писателей Польши.

В Болгарии после опубликования работы товарища Сталина по вопросам языкознания газеты, научные журналы не только перепечатали этот труд, но посвятили ему большое количество статей виднейших деятелей культуры. Были проведены многочисленные научные заседания, посвященные этому труду. Археологический институт Болгарской академии наук готовится к специальной научной сессии, посвященной вопросу о связях болгарского и русского народов во всей их истории в свете труда И. В. Сталина

«Марксизм и вопросы языкознания». В настоящее время проходит организованная Академией наук научная конференция по вопросам орфографии болгарского языка. Во всех областях научной и культурной жизни Болгарии происходит пересмотр установок, планов, программ на основе труда И. В. Сталина.

Венгерские языковеды с огромным вниманием следили за дискуссией по языкознанию, которая развернулась в прошлом году на страницах «Правды», и с большим подъемом приветствовали работу И. В. Сталина. Торжественная сессия Венгерской академии наук при участии ученых различных стран особо отметила огромное значение труда И. В. Сталина для всех областей науки. Директор института языковедения Венгрии Жигмонда Телегда в статье «Венгерское языковедение на пороге новой эпохи» писал: «Товарищ Сталин с гениальной простотой и глубокой мудростью вскрыл ошибки, вставшие на пути развития языковедения. Он указал, как устранить эти ошибки, и заложил прочные основы, на которые в будущем с уверенностью может положиться наука языковедения. Этим он и нам, венгерским языковедам, дал возможность ликвидировать свои ошибки и приступить к разработке и в Венгрии подлинно марксистской науки языковедения». Под влиянием произведения И. В. Сталина по языкознанию началось более глубокое и серьезное изучение грамматики венгерского языка. Внесены также серьезные изменения в характер преподавания родного языка в венгерских школах и высших учебных заведениях.

Не только в странах народной демократии, но и в капиталистических странах передовые представители науки широко откликнулись на работу И. В. Сталина по языкознанию. Так, известный в Англии своими работами по истории древней Греции профессор Бирмингемского университета Джордж Томсон в статье «Сталин о лингвистике», опубликованной в июньском номере журнала «Лейбор Манели» (1951 г.), пишет: «Работа И. В. Сталина по этому вопросу (о лингвистике) является величайшим вкладом в теорию марксизма... Не случайно, что И. В. Сталин воспользовался возможностью для того, чтобы сформулировать принципы для изучения этих проблем. Это объясняется тем, что сейчас, когда Советский Союз идет к коммунизму, когда страны народной демократии, Китай идут по пути к социализму, когда народы всех стран впервые за всю историю объединены в едином движении за сохранение мира во всем мире, идеологическая борьба принимает новое значение, которое окажется решающим для будущего всего человечества».

В США в докладе на 15 съезде компартии в конце декабря 1950 года член Национального комитета компартии США Джон Гейте говорил: «В то время как Трумэн и другие капиталистические заправилы переходят от подготовки к войне к действительным агрессивным войнам, И. В. Сталин развивает науку, закладывает фонд мира во всем мире, возглавляет Советский Союз в его

борьбе за выполнение величественных планов преобразования природы».

Таковы отдельные данные, характеризующие силу влияния труда И. В. Сталина по вопросам языкознания во всем мире.

* * *

В кратком обзоре невозможно рассмотреть все даже очень важные вопросы, которые нашли гениальное разрешение в произведении товарища Сталина по языкознанию. Но на двух моментах необходимо остановиться хотя бы очень кратко: во-первых, на положениях И. В. Сталина о законах развития научной мысли и, во-вторых, на положениях, направленных против схоластики, начетничества, талмудизма.

Буржуазная пресса истошно вопит об отсутствии якобы свободной научной мысли в СССР. Та самая мерзкая и продажная пресса, которая «свободна» в той мере, в какой она выполняет подлые задания своих империалистических хозяев, которая, набрав воды в рот, молчит о преследованиях выдающихся деятелей науки, таких, как Жоллио-Кюри, за осуждение ими империалистической агрессии, которая всячески прикрывает фашистские действия «американской комиссии по расследованию антиамериканской деятельности», убивающей всякую свободную мысль, — эта пресса имеет наглость кричать об отсутствии якобы свободы мысли в СССР. Но пусть хоть одна буржуазная страна организует на страницах своей массовой печати такой свободный обмен мнениями, скажем, по биологии или по философии, какой был организован у нас в Советском Союзе! Пусть хотя бы одна буржуазная массовая газета, вроде, скажем, «Таймс» или «Нью-Йорк таймс», позволит на своих страницах свободно и развернуто выступить в защиту, скажем, мичуринского направления в биологии и против современных американских или английских вейсманистов, или же в защиту диалектического материализма, против современных американских или английских философских мракобесов, идеалистов и мистиков! Стоит только так поставить вопрос, чтобы были разоблачены ложь и лицемерие фраз и воплей буржуазной прессы о «свободе» научной мысли в капиталистических странах.

Дискуссия по языкознанию в СССР — не единичное явление. Широкие свободные дискуссии по самым различным научным проблемам стали у нас обычными. За последние три года была проведена по инициативе и по указанию Центрального Комитета ВКП(б) широкая дискуссия по философии, сыгравшая огромную роль в развитии марксистско-ленинской философской мысли в СССР. Огромно значение дискуссии по биологическим вопросам и как результат ее — разгром вейсманизма и победа мичуринской биологии в СССР.

Метод научных дискуссий, живого обмена мнениями, критики и самокритики является необходимым условием плодотворного развития науки. «Общепризнано, — указывал товарищ Сталин, — что никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики»¹.

В связи с этим огромное значение имеет критика И. В. Сталиным «аракчеевского режима» в языкознании. Товарищ Сталин с присущей ему прямоотой и последовательностью назвал порядки, сложившиеся в области языкознания, «аракчеевским режимом». Аракчеевщина — это синоним режима деспотизма, грубой силы, запрещения всякого инакомыслия.

Назвав порядки, сложившиеся в языкознании, аракчеевщиной, товарищ Сталин этим самым с большой силой разоблачил, осудил и заклеил эти порядки, и нет сомнения в том, что они будут полностью выкорчеваны.

Благотворное влияние сталинской критики сказывается на всех других областях научной работы в СССР. Такую острую критику недостатков могут позволить себе только большевики, ибо они уверены в своих силах, глубоко верят в творческие способности народных масс и знают, что победа будет за ними.

Важнейшая особенность марксистской науки, придающая ей огромную победоносную творческую силу, состоит в том, что она непримиримо враждебна всякому догматизму, застою, доктринерству. Марксизм непрерывно развивается, обогащается и оплодотворяется революционной практикой, не останавливается перед заменой устаревших формул новыми положениями, исходящими из сложившихся новых условий. Именно поэтому на всех исторических этапах марксистская наука неизменно служила и служит верным руководством к революционному действию.

Еще 24 года назад товарищ Сталин говорил: «Марксизм есть наука. Может ли сохраниться и развиваться марксизм как наука, если он не будет обогащаться новым опытом классовой борьбы пролетариата, если он не будет переваривать этот опыт с точки зрения марксизма, под углом зрения марксистского метода? Ясно, что не может.

Не ясно ли после этого, что марксизм требует улучшения и обогащения старых формул на основе учета нового опыта при сохранении и точки зрения марксизма, при сохранении его метода...»².

После смерти Маркса и Энгельса Ленин и Сталин и их ближайшие ученики были единственными марксистами, которые творчески двигали вперед марксизм, применяли его выводы и положения к новой исторической обстановке.

Ленин поднял марксизм на новую ступень, соответствующую исторической эпохе — эпохе империализма и пролетарских револю-

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 31.

² И. В. Сталин. Соч., т. 9, стр. 99.

ций. Ленин обогатил марксизм новыми выводами, новыми установками, вытекающими из анализа новой обстановки классовой борьбы пролетариата за его освобождение.

Ленин и Сталин всегда подчеркивали, что марксизм не догма, а руководство к действию, и что поэтому марксизм является врагом всякого догматизма. Ленин и Сталин всегда указывали, что подлинный, не извращенный, революционный марксизм есть марксизм боевой, творческий.

На VI съезде РСДРП(б) 31 июля 1917 года, накануне Великой Октябрьской социалистической революции, И. В. Сталин в своем докладе говорил: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего»¹.

С тех пор прошло почти 34 года. В России победила Великая Октябрьская социалистическая революция. В СССР построен социализм, и страна успешно идет вперед, к коммунизму. Именно Россия первая проложила путь к социализму, и по ее пути идут трудящиеся других стран. Сталинское предвидение оправдалось в полной мере. Нельзя без глубокого волнения перечитывать теперь эти строки. Они — яркий показатель сталинского гения, непобедимой силы марксизма-ленинизма. Это сталинское предвидение, базирующееся на глубоком творческом анализе обстановки и соотношения классовых сил того времени, принадлежит к одному из самых выдающихся.

Борясь против цитатнического и догматического извращения марксизма врагами большевистской партии и народа, которые пытались опереться на старую формулу Энгельса о невозможности победы социализма в одной стране, относившуюся к эпохе домонополистического капитализма и ставшую неверной в эпоху империализма, И. В. Сталин писал: «Конечно, если бы Энгельс был жив, он не стал бы цепляться за старую формулу, а, наоборот, всемерно приветствовал бы нашу революцию, говоря: «К чорту все старые формулы, да здравствует победоносная революция в СССР!»²

И. В. Сталин здесь замечательно выразил подлинно творческий характер марксистской теории, ее враждебность ко всякому застою, доктринерству и догматизму.

В своей работе «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин с новой силой подчеркнул: «Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, — он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, — следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени,

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 186—187.

² И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 303.

не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма»¹.

Для того чтобы быть настоящим марксистом, нужно овладеть сутью марксизма как боевым революционным идейным оружием, уметь развивать и двигать марксистско-ленинскую теорию вперед, обогащая ее новыми положениями и выводами, соответствующими новой исторической обстановке.

С какой силой товарищ Сталин показывает творческое развитие марксизма В. И. Лениным в новую историческую эпоху, в эпоху империализма и пролетарских революций! С каким едким сарказмом товарищ Сталин высмеивает талмудистов и начетчиков, не вникающих в существо дела, а пользующихся тем или иным положением в отрыве от исторических условий!

Труд И. В. Сталина — ярчайший образец и пример творческого подхода к марксизму, образец его действительного развития.

В труде «Марксизм и вопросы языкознания» И. В. Сталин дал новое замечательное определение марксизма, заостренное против превращения марксизма в догму. «Марксизм, — указывает товарищ Сталин, — есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука о строительстве коммунистического общества»².

В этом определении подчеркиваются успехи марксистской науки не только в раскрытии законов общественного развития, но и законов развития природы благодаря сознательному творческому применению диалектического материализма и его метода к наукам о природе. И. В. Сталин дает также глубокую характеристику международного значения марксизма, вновь и вновь подчеркивая, что марксизм является наукой о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наукой о победе социализма во всех странах, наукой о строительстве коммунистического общества.

Вследствие агрессивных действий империалистического лагеря обострилась опасность новой мировой войны. Заправила США заняты разработкой преступных планов развязывания этой войны, они совершают свои кровавые злодеяния в Корее. Трумэн и черчилли занимаются атомным шантажом, теряют самообладание и истерически мобилизуют все реакционные силы для новых агрессивных выступлений, что свидетельствует не о силе, а о слабости империалистических поджигателей войны. Лагерь мира, демократии и социализма, возглавляемый народами СССР, уверенный в своих силах, противопоставляет агрессорам и поджигателям войны свою твердую политику мира и беспощадного разоблачения и обуздания

¹ И. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 55.

² Там же, стр. 54—55.

агрессоров. А тот факт, что гениальный вождь трудящихся всего мира, вождь народов СССР — И. В. Сталин занимается глубокой разработкой научных вопросов строительства коммунизма, вооружает кадры коммунистической партии всего мира новым идейным оружием, свидетельствует о силе и несокрушимости лагеря мира и демократии. Этот факт отражает неуклонный рост сил побеждающего светлого мира, мира коммунизма, и упадок сил идущего к своей неминуемой гибели старого, одряхлевшего мира гнета и эксплуатации, мира капитализма. Во всем этом мы видим величественную и непобедимую силу марксизма-ленинизма.

~~Цена 1 р.~~

Новая цена

70 к.